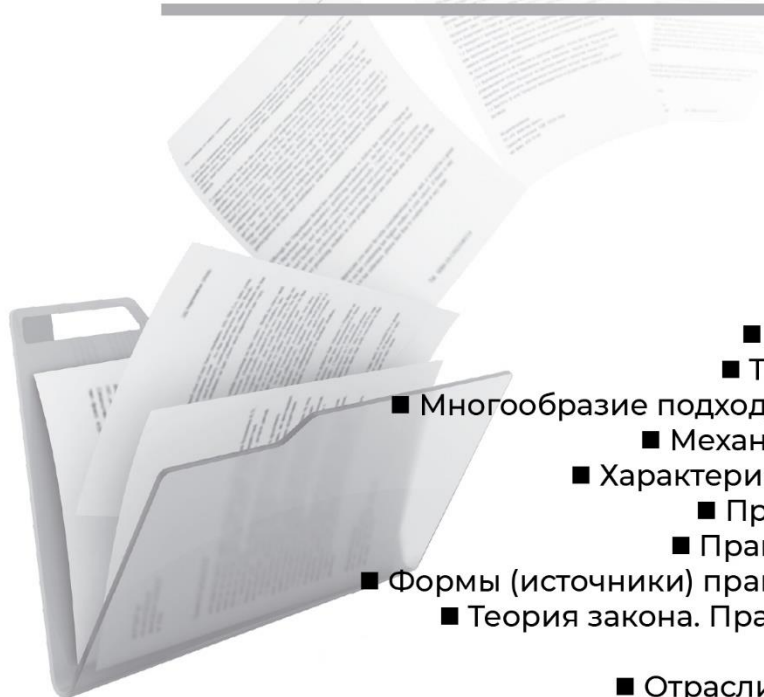

ISSN 2500-3674

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

- Онтология и гносеология права
- Теория обычая и обычного права
- Многообразие подходов к вопросам правопонимания
- Механизмы правового регулирования
- Характеристика моделей правовых систем
- Право в системе социальных норм
- Правосознание и правовая культура
- Формы (источники) права. Нормативные правовые акты
- Теория закона. Права человека как источник права
- Система и структура права
- Отрасли, подотрасли и институты права
- Правотворчество и законодательный процесс
- Применение правовых норм

№6-2023

Журнал «ЮРИДИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ» издается с 2016 года.

В журнале публикуются результаты научных исследований, суть которых состоит в глубоком познании права, государства и других юридических или экономических явлений. Среди авторов журнала российские и зарубежные исследователи (доктора и кандидаты наук, аспиранты и соискатели, студенты), и специалисты-практики (судьи, работники прокуратуры, адвокаты, нотариусы, экономисты, банковские служащие, государственные и муниципальные служащие, историки, философы). Широкая специализация журнала позволяет публиковать на его страницах статьи, обзоры, отзывы, рецензии и другие материалы, содержащие в себе новые теории познания всех отраслей юридической науки, экономической, а также материалы, содержащие результаты междисциплинарных исследований.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Приоритетные задачи издания:

- популяризация научной деятельности в российской высшей школе;
- ознакомление научного сообщества с передовыми результатами исследовательской активности в профильных областях знаний и обмен опытом с зарубежными коллегами и учеными из стран СНГ;
- актуализация современных научных воззрений на проблематику в сфере прикладной и фундаментальной науки, применительно к тематической специализации издания – теория государства и права, правоприменение и правотворчество;
- продвижение перспективных и научно-исследовательских разработок, связанных с предметной областью издания.

Разделы и рубрики журнала:

- теория и история права;
- конституционное право, конституционный судебный процесс;
- муниципальное право;
- актуальные вопросы частного права;
- уголовное право и процесс, уголовно-исполнительное право;
- судебно-экспертная деятельность;

- оперативно-розыскная деятельность и криминалистика;
- административное право, административный процесс;
- адвокатская дело;
- теория и история философии права;
- социальная и политическая философия;
- философия культуры;
- философия науки и техники;
- экономика и управление народным хозяйством;
- основы экономической безопасности;
- экономические преступления и методы их профилактики и противодействия;
- вопросы обеспечения национальной безопасности.

Язык издания: русский, английский.

Количество статей в выпуске: до 25.

Периодичность выхода: 6 выпусков в год.

Международный стандартный сериальный номер (ISSN): 2500-3674.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ №ФС77-85701 от 21 июля 2023 г.

Настоящее издание включено в Перечень ведущих научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными приказом Минобрнауки России (дата включения в перечень ВАК - 19.12.2023г.), журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

Кудинов Владимир Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Винокуров Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (Москва)

Денисова Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Исаенкова Оксана Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов)

Калюжный Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России (Москва)

Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры управления ОВД в особых условиях ЦКШУ Академии управления М В Д России (Москва)

Ключко Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор общеинститутской кафедры психологии образования Института педагогики и психологии образования, Московского городского педагогического университета. (Москва)

Либанова Светлана Эдуардовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

Лукьянчикова Людмила Владимировна, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

Мухина Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, эксперт в области экономической безопасности и региональной экономики, почетный работник сферы образования Российской Федерации (Москва)

Назипова Гульчачак Рахимзяновна, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, доктор исторических наук, член ИКОМ (Международного Совета музеев) России, член Правления Совета музеев ПФО, член НП АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), член НП «Национальный Союз Экспертов», эксперт по культурным ценностям, Заслуженный работник культуры Республики Татарстан, ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры (Казань)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва)

Рудаков Анатолий Валерьевич, доктор политических наук, Главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Синицын Олег Владимирович, Доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН), Заслуженный профессор Казанского университета, Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Казань)

Спектор Асия Ахметовна, доктор юридических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования, Российский университет транспорта (МИИТ) (Москва)

Субетто Александр Иванович, профессор, кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры Истории религии и теологии РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Ульянов Олег Германович, доктор исторических наук, Профессор, Академик Российской Академии Естествознания, Историк, искусствовед, археолог. (Москва)

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Краснодар)

Храмцова Флюра Ибрагимовна, дважды доктор политических наук – России, Белоруссии, профессор политологии, кандидат педагогических наук, профессор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института государственной службы, главный научный сотрудник НИИ Теории и практики государственного управления той Академии управления

*****

EDITOR-IN-CHIEF OF THE JOURNAL

Kudinov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities Department of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Vinokurov Alexander Yuryevich, Doctor of Law, Professor, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and International arbitration courts (arbitrations) (Moscow)

Denisova Anna Vasilyevna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Judicial Systems and Criminal Law Department at the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Isaenkova Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov)

Kalyuzhny Yuri Nikolaevich, Doctor of Law, Professor of the Management Department of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Kireev Mikhail Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Internal Affairs Management in Special Conditions Department of the Central Research School of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

Klyuchko Olga Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor of the General Institute Department of Educational Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University. (Moscow)

Libanova Svetlana Eduardovna, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Constitutional Law Department, Ural State Law University (Yekaterinburg)

Lukyanchikova Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department of the Higher School of Jurisprudence Department of the Faculty of Public and Municipal Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Mukhina Elena Gennadievna, Doctor of Economics, Associate Professor, expert in the field of economic security and regional economics, Honorary Worker of education of the Russian Federation (Moscow)

Nazipova Gulchachak Rahimzyanovna, Professor of the Museology Department, Cultural Studies and Art History, Doctor of Historical Sciences, member of the ICOM (International Council of Museums) of Russia, member of the Board of the Council of Museums of the Volga Federal District, member of Automation of Museum Activities and Information Technologies, member of National Union of Experts, expert on cultural values, Honored Worker Culture of the Republic of Tatarstan, Kazan State Institute of Culture (Kazan)

Redkous Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Rudakov Anatoly Valerievich, Doctor of Political Sciences, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security Problems at the Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod)

Sinitsyn Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Department of Historical and Social Studies Education (based on the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences), Honored Professor of Kazan University, Honored Worker of Higher Education of the Republic of Tatarstan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Kazan)

Spector Asia Akhmetovna, Doctor of Law, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian University of Transport (Moscow)

Subetto Alexander Ivanovich, Professor, Department of Social Sciences, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of History of Religion and Theology of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation

Ulyanov Oleg Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Historian, art historian, archaeologist (Moscow)

Uporov Ivan Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)

Khramtsova Flura Ibragimovna, twice Doctor of Political Sciences – Russia, Belarus, Professor of Political Science, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor at the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Institute of Public Administration, Chief Researcher at the Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of that Academy of Management

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Фионов Анатолий Николаевич. К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРАВА И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ **12**

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Балашов Константин Геннадьевич, Кухарев Юрий Станиславович, Макеева Инга Олеговна, Косоголова Наталия Анатольевна. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ **23**

Романенко Елена Александровна, Бокова Алёна Олеговна. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЬИ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ **31**

Филимонов Родион Николаевич, Харечкин Алексей Николаевич, Малофей Александр Олегович. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБВИНЯЕМОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ **43**

Чан Чэньмяо. О ПРИМЕНЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТАМ **52**

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бойкова Анна Викторовна. АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ДИРЕКТИВЫ ЕС 2019/1023 ОТ 20 ИЮНЯ 2019 ГОДА СТРАНАМИ ЕС **60**

ИСТОРИЯ

Кузеева Зухра Залимхановна. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НОГАЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ **69**

*****

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Fironov Anatoly Nikolaevich. ON THE QUESTION OF THE VALUE DIMENSION OF LAW AND LEGAL CULTURE **12**

CRIMINAL LAW SCIENCES

Balashov Konstantin Gennadievich, Kukharev Yuri Stanislavovich, Makeeva Inga Olegovna, Kosogolova Natalia Anatolyevna. CURRENT PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ABUSE OF AUTHORITY **23**

Romanenko Elena Alexandrovna, Bokova Alyona Olegovna. IMPROVING THE LEGAL STATUS OF JUDGES IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS **31**

Filimonov Rodion Nikolaevich, Kharechkin Alexey Nikolaevich, Malofey Alexander Olegovich. THE FORMATION OF THE INSTITUTION OF THE ACCUSED IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS **43**

Chang Chenmiao. ON THE APPLICATION OF CRIMES AGAINST HUMANITY TO INTERNATIONAL TERRORIST ACTS **52**

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Boikova Anna Viktorovna. ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE EU DIRECTIVE 2019/1023 OF JUNE 20, 2019 BY THE EU COUNTRIES **60**

HISTORY

Kuzeeva Zukhra Zalimkhanovna. THE HISTORICAL MEMORY OF THE NOGAIS IN THE CONTEXT OF MODERN INTERETHNIC DISCUSSIONS **69**

*****

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340:1

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРАВА И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Фионов Анатолий Николаевич

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Белорусский государственный университет,

г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: Tolik-fironov@mail.ru

Статья посвящена исследованию аксиологической природы права, культуры и правовой культуры. Автор описывает двойственную природу категории «ценность» применительно к ее пониманию в широком смысле (философском, религиозном, этическом, политическом и пр.) и в узком – как концепта правовой культуры. Тот факт, что понятие «ценность» выступает объектом исследования ряда гуманитарных и естественных наук, по мнению автора, обуславливает известную сложность осмысления его содержания и построения типологии (поскольку необходимо выделить ключевые особенности, присущие природе этой категории, а они для разных научных областей будут различными). В данной работе акцент сделан на изучении «ценности» в правовом пространстве, которое определяется эволюцией культуры каждого конкретного общества (что объясняет специфичность системы ценностей для отдельных наций и ее постепенную трансформацию в историческом контексте). Автор указывает на проявление кризисных явлений в ценностной аксиоматике современных демократических государств и потребности соответствующей коррекции принципов общественного договора. Подробный анализ регулятивной и духовной составляющих, интегрированных в структуру правовой ценности как юридической категории, позволяет автору сформулировать базовые положения

современного состояния научного дискурса в рамках теории ценностной природы права.

Ключевые слова: культура, правовая культура, право, ценность, аксиоматика, ценность права, правовая ценность.

Юриспруденция, анализируя природу права в целом и правовой культуры в частности, оперирует рядом категорий, описывающих ценности. Так, наряду с общим понятием «ценность» применяются и такие концепты, как «правовая ценность», «ценность права» и т.д., содержание которых взаимосвязано и зачастую описывается путем взаимного соотнесения этих терминов. При этом нужно учитывать, что ценность, как и культура (в том числе, как и правовая культура) является предметом изучения ряда наук и, соответственно, исследуется при помощи присущего этим наукам методологического инструментария (философского, культурологического, социологического, аксиологического и пр.), который уже в своем названии включает специфику подхода к изучению правовой культуры. Однако кажущийся очевидным соблазн совместить эти методы, на наш взгляд, контрпродуктивен, так как это может привести к тому, что в основу познавательного процесса будет изначально положен набор аксиом, свойственных каждому из обозначенных выше подходов. Такое наложение исходных аксиоматических систем способно затруднить изучение категории «правовая культура». Поэтому мы избрали путь разделения в процессе познания подходов к осмыслению категорий «правовая культура» и «ценность».

Ценность в рамках научного дискурса обычно понимается как цель сама по себе, к которой стремятся ради нее самой, а не ради материального интереса (выгоды, удовольствия). Правовая культура будет пониматься нами в контексте данного исследования как сложный холистический и многоаспектный феномен, возникающий и/или порождаемый взаимодействием культуры и права; характеризующий ментально-духовную составляющую правовой жизни (ее качественный уровень), а также определяющий ориентиры правового поведения в виде ценностей (ценностных установок).

В силу того, что детальное изучение сущности ценностей не входит в предметную область нашего исследования, мы ограничимся описанием основных положений и обобщенной характеристикой их специфики, необходимой для понимания их правового измерения ценностей как таковых.

Философский подход типологически осмысливает ценность как:

1) объективное бытие, усматриваемое (усваиваемое) субъектом в процессе деятельности;

2) субъективный феномен, имеющий своим первоисточником совокупность внешне проявляемых особенностей личности; обладающий собственной природой – субъективно-объективный или объективно-субъективный феномен, проявляющийся лишь в

отношениях между субъектом и объективным бытием [1, с. 59–60].

Таким образом, философский подход рассматривает ценности как смыслообразующее начало и главный элемент культуры, способный объективироваться через сознание личности и ее действия.

Культурологический подход рассматривает ценность как явление культуры, то есть высшую категорию, предопределяющую смысл и назначение человеческого бытия изначально, без привязки к конкретной сфере деятельности индивида, в перспективе опосредованную взаимодействием индивида в обществе и выражающуюся в виде правил, норм и образцов социально приемлемого поведения в рамках общественного бытия.

Культурология использует обобщающий и интегрирующий термин «культурная ценность» как некую квинтэссенцию социального опыта общества, включающую в себя наиболее эффективные и часто применяемые модели и принципы жизнедеятельности: нравы, обычаи, стереотипы поведения и сознания, образцы, оценки, образы, мнения, интерпретации и т. п. [2, с. 251–252]. Таким образом, культурологический подход трактует ценность в концептуальном, нормативном измерении, направленном на упорядочивание социального взаимодействия в широком смысле, указывая на ценностное ядро (специфику) конкретной культуры и ее производных.

Социологический подход также активно задействует аксиологический аппарат. По Э. Дюркгейму, «всякая ценность предполагает оценку, осуществляемую субъектом в тесной связи с определенным состоянием чувств. То, что имеет ценность, – хорошо в каком-то отношении; то, что хорошо, – желаемо; всякое желание есть внутреннее состояние. И всё же ценностям, о которых идет речь, присуща та же объективность, что и вещам» [3, с. 107]. При этом Э. Дюркгейм верно указывает на безуспешность любых попыток сведения воедино идей добра, «прекрасного», «истинного» и «полезного», а также отмечает, что влияние ценностей на социальную жизнь как единственное их предназначение не объясняет, с его точки зрения, их разнообразие и совершенно различные результаты их влияния на различных индивидов [3, с. 109].

Таким образом, в рамках социологического подхода ценность – это смыслообразующая часть культурной и социальной систем, носящая объективный, надличностный характер, проявляющийся на уровне социальной и личностной систем. Вышеизложенное актуализирует применение данного подхода в рамках современного развития национального права, которое, особенно в рамках реформы охранительного права, имеет ярко выраженную ценностную направленность (защита национальных ценностей и артефактов – таких как, к примеру, непреходящее значение победы народов СССР в Великой Отечественной войне, противодействие экстремизму, недопущение реабилитации нацизма и т.д.).

Аксиологический подход характеризуется рассмотрением ценности (равно как и истины) в качестве взаимного отношения мысли и действительности, то есть позитивно ценной является «ситуация,

которой она должна быть в соответствии с существующим в данном обществе образцом или стандартом объектов рассматриваемого рода или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов». Следовательно, ценностью фактически является не свойство предмета как такового, а «отношение соответствия этого предмета мысли (выраженному в языке желанию, стремлению и т.п.)» [4, с. 8, 12].

Таким образом, аксиологический подход предполагает рассмотрение ценностей как некоей идеальной основы для оценки действительности (в том числе правовой) на основе обобщенных представлений людей о должном и идеальном; указывает на функциональность ценностей, их динамичность и историческую релятивность, способность придавать смысловое наполнение явлениям и действиям. Ценности в аксиологии представляются как основа любой культуры, способная к проявлению в любых сферах бытия человека.

Собственно-правовой подход. Важной тенденцией в правоведении является активное обращение к разработанным иными науками «внешним» подходам, определяющим ценности, а также связывающим их с правом. Так, Н. Н. Алексеев рассматривает право как сферу интеллектуального отношения к ценностям, при этом само право трактуется им как сфера ценного. Признание ценности в таком случае – это по преимуществу юридический акт переноса явлений из нравственной сферы в правовую [5, с. 31].

Итак, право, как сфера ценного, включает в себя только то, что с правовых позиций является ценностью (либо средством или процессом, связанным с ее получением/охраной). Ценность выступает основой для формирования определенного представления об идеальном отношении, которое возможно достичь при помощи правовых средств (процедур). Такой идеал становится целью правового регулирования; для достижения этой цели создаются определенные правовые средства (инструменты), а также способы и порядок (процедура) их использования. Затем результаты применения таких средств *оцениваются* на соответствие идеалу/цели правового регулирования, а процесс достижения цели оценивается, в свою очередь, на предмет эффективности использованных средств и процедур. Отметим, что собственно-правовой подход к ценностям, по сути, объединяет ряд различных стратегий, вытекающих из принципов изучения теории права, философии права и социологии права, а также интегративного правопонимания, но при этом такой подход не является характерным для позитивистских воззрений.

Важной научной проблемой является классификация ценностей, которые проявляют себя по-разному в различных сферах культуры. Так, эстетическая ценность в искусстве имеет достаточно опосредованное значение для права, проявляясь лишь в контексте авторского права. Но с точки зрения экономики произведение искусства имеет стоимость. Отметим, что выявление всех подходов к типологии ценностей не относится к теме нашего исследования, поэтому мы сформулируем лишь наиболее общие критерии их оценки, которые пригодны для применения в рамках теоретической и практической юриспруденции. В

то же время существенный эвристический потенциал для нашего исследования имеет *функциональное* деление ценностей на финальные и инструментальные (по А. А. Бородичу). Так, социальная роль *финальных* ценностей заключается в том, что они задают цели, превосхищают результаты и определяют значимость результата социальных действий. *Инструментальные* же ценности выступают проводником воздействия субъекта на объект и выполняют функцию средств (инструментов); они могут различаться в зависимости от сферы социальной активности субъекта. В сущности, соотношение и взаимодействие финальных и инструментальных ценностей в рамках аксиологии социального действия выражает основную закономерность социально-исторического процесса. Такое взаимодействие образует социокультурное поле, в пределах которого формируются условия для возникновения и оформления мотивов поведения, что «очерчивает доступные для освоения на каждом данном этапе эволюции общества границы природы и определяет необходимый для результативных действий набор материальных и интеллектуальных средств. Названная закономерность проявляется в сложных связях и опосредованных между целями, средствами и результатами» [6, с. 200–201].

Непосредственное взаимодействие финальных и инструментальных ценностей может быть проиллюстрировано многими примерами. Так, ценность правового государства предполагает ориентацию деятельности субъекта права на строгое следование принятым в государстве законам, уважение к гражданскому обществу, соблюдение принципа разделения властей, обеспечение и защиту прав человека. Можно утверждать, что образ правового государства – это определенный идеал, финальная ценность, к которой необходимо стремиться, однако в рамках недавней конституционной реформы, имевшей место в Республике Беларусь, данная ценность была дополнена «суперфинальной ценностью» – идеологией Белорусского государства, которая выступает фундаментом государственного строительства на ближайшую перспективу. В национальном праве, соответственно, происходит закрепление принципов, гарантий и норм, учет которых должен привести к достижению этого идеала, и которые, таким образом, превращаются в инструментальные ценности: например, независимость судей и подчинение их только закону как принцип уголовного процесса и один из признаков разделения властей (ст. 22 УПК Республики Беларусь), что обеспечивается также иными нормами материального права (так, глава 34 УК Республики Беларусь устанавливает наказания за преступления против правосудия) [7; 8].

Итак, ценности – это смыслообразующее начало и ключевой элемент любой культуры (включая правовую), объективируемый посредством набора личностных качеств индивидов и определяющий их социальное бытие, а также своеобразие конкретной культуры. Ценности пронизывают всю деятельность человека и выступают мерой системы социальных отношений.

Единые ценности могут иметь специфическую природу и формы реализации применительно к различным сферам бытия человека, что

объясняет их тесную связь именно с этими сферами и соответствующими им культурным пространством (ценности экономики, политики, права и т.д.).

Правоведение использует ряд понятий, отражающих связь ценностей и права – ценности права, ценности в праве, правовые ценности, – которые могут рассматриваться и отдельно, и в единстве.

Сторонники разделения ценностей права и ценностей в праве утверждают, что первые представляют собой различные элементы культуры социума, объединенные правом, в то время как «ценности в праве – это ценности, которые полностью или частично им урегулированы» [9, с. 97]. По И. В. Фабрике, ценности права – это свобода, справедливость, равенство, взаимопомощь, которые ориентируют человека на действия для достижения определенных целей, стандартов, эталонов поведения. Эти ценности не были изначально «правовыми», присущими только праву, эти ценности выступают частью той культуры, в которой возникало право [10, с. 30]. Однако это не объясняет природу правового синтеза ценностей как элементов культуры социума.

На наш взгляд, правовые ценности и ценности в праве следует использовать как понятия-синонимы, но с учетом процесса заимствования и проникновения ценностей в материю права из иных сфер общественного сознания. Заимствование некой ценности, изначально не присущей праву, придает ей дуалистический характер. Сохраняя свою исходную природу, ценность наделяется новыми юридическими качествами, включая и ее отнесенность к финальному или инструментальному типу. Если ценность не включена в сферу правового регулирования, то она является юридически безразличной. Так, нравственная ценность любви не имеет значения при заключении брака, для которого важна свобода волеизъявления.

Сложная природа ценностей (правовых ценностей) может быть наглядно представлена на примере справедливости, значимость которой проявляется как соответствие реально существующих между субъектами права отношений представлениям о правовых нормах в широком смысле. При этом справедливое – это не столько соответствующее букве закона, сколько отвечающее духу закона (права). Будучи ценностью самой по себе, справедливость оказывается еще более значимой постольку, поскольку рассматривается в качестве условия гармонии и безопасности. Содержание справедливости в социокультурном контексте выступает как степень соответствия идеалов и ценностей, с одной стороны, и ролью, значением индивида в общественной жизни, его реальным социальным статусом и положением – с другой. Справедливость может и должна рассматриваться как способность человека воспринимать мир и интерпретировать его (в том числе оценивать), тем самым социализироваться, встраиваться в культурное пространство. И вновь заметим: анализ всех подходов к определению справедливости не является предметом нашего исследования.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие промежуточные

выводы.

Применительно к теории права ценности могут рассматриваться и как внешний феномен, детерминирующий его содержание и регулятивную функцию, и как включенные в право финальные либо инструментальные его элементы – так называемые правовые ценности, отражающиеся во всех элементах правовой системы. При этом ценность, которая не «проникла» в пространство правовой жизни и продолжает функционировать в иных сферах общественного сознания (нравственной, экономической, религиозной, политической и т.п.), может воздействовать на право через правосознание личности индивида.

Право, закрепляя систему основных ценностей общества и обеспечивая их защиту (формальная сторона), превращается в феномен, который включает в себя идеалы и нормы поведения (содержательная сторона). Это рассматривать право как самостоятельную ценность в рамках конкретной культуры. В таком ключе право представляет собой важнейший элемент культуры социума и правовой культуры, определяющий характер и закономерности социального бытия, выступающий предметом оценки, а также объектом, отношение к которому упорядочивает взаимодействие личности, общества и государства.

В самом общем виде ценность права – это способность права служить целью и средством для удовлетворения социальных потребностей и интересов граждан, общества в целом, прежде всего, в сфере безопасности личности и общества. Ценность права раскрывает его конструктивную роль, как для общества, так и для его граждан, которая заключается в создании условий для реализации общественного договора. Это обстоятельство позволяет рассматривать право, в первую очередь, как комплексную инструментальную ценность, характеризующую функционально-нормативную сторону культуры.

Право, будучи порождением социальной эволюции и одновременно результатом исторического развития культуры, решает задачи гармонизации интересов групп и индивидов, составляющих общество, обеспечивает интеграцию социума, формирует предпосылки для предотвращения и разрешения конфликтов в обществе.

Право как инструментальная ценность – это средство социального регулирования, которое призвано соответствовать уровню развития этих отношений, закреплять существующий порядок вещей, обеспечивать уверенность субъектов права в достаточной защищенности их интересов, а также способствовать социальному прогрессу в целом. Таким образом, право, появление которого было обусловлено необходимостью защиты и сохранения важнейших ценностей культуры конкретной общности, стало объединяющим началом для этой общности, превратившись для нее в самоценность. Право есть следствие исторического развития культуры, оно занимает особое место в ее структуре, выступая в то же время нормативно-регулятивным институтом. Иными словами, право можно

рассматривать как некую социальную и духовную ценность. Одновременно право представляет собой специфический механизм защиты системы ценностей общества, значимый опять-таки и в правовом отношении, и в смысле формирования единого пространства культуры в рамках конкретного общества. При этом, повторим, ценность права определяется материальным и идейным наполнением культуры, природой социума, набором характерных черт государства и цивилизации, Это свойство права как ценности обуславливает различную ценность права для разных культур.

По итогам проведенного нами исследования могут быть сделаны следующие выводы.

1. Ценности – это сложный многоаспектный феномен, который является объектом (предметом) познания различных социально-гуманитарных наук, а также ядром и культуры, и права, что обуславливает при изучении природы ценностей существование ряда методологических подходов, присущих различным наукам. Каждый подход имеет собственную специфику в познании ценностей. При этом ценности выступают внешним фактором по отношению к праву и культуре в целом, а также к правовой культуре в частности, что порождает сложную взаимосвязь исследовательских подходов.

2. Изучение ценностей как основы права, культуры, в том числе правовой культуры, предполагает своеобразное «удвоение» используемой методологии – когда научный поиск движется в двух направлениях, соответствующих, во-первых, изучению правовой культуры, а, во-вторых, – познанию собственно ценностей. Сопряжение подходов затруднительно и часто не целесообразно в силу наличия двух самостоятельных объектов познания. Следовательно, изучение ценностной природы правовой культуры должно осуществляться посредством изучения и правовой культуры, и ценностей (которые, будучи преломленными через категориальный аппарат правовой системы (т.н. правовую жизнь), проявляются в феноменах «правовая ценность» и «ценность права»).

3. Категория «правовая ценность» имеет двойственную природу. С одной стороны, ее можно описать как ценность (внешнее явление), включенную в предметную область право и правовую культуру. С другой стороны, это непосредственная правовая категория, используемая в процессе правового регулирования. Это объясняет важность построения классификации (типологии) ценностей, которая имеет непосредственно регулятивный характер, определяющий иерархию ценностей (правовых ценностей) и способов их реализации/защиты. Основой подобной классификации является выделение финальных ценностей, описывающих состояние государства и социума, и инструментальных ценностей, обеспечивающих регулирование общественных отношений. Классификация ценностей имеет значимое общеправовое и отраслевое значение; единственным проблемным аспектом можно считать тот факт, что одна и та же ценность может соотноситься с разными

формальными типами, представленными в классификации. Так, весьма сложной природой обладает справедливость, которая является и общей, и финальной правовой, и полиотраслевой ценностью.

4. Право всегда может быть рассмотрено как феномен культуры, имеющий известную ценность для социума и государства, поскольку с его помощью обеспечивается надлежащая защита социальных ценностей. К тому же сами ценности могут выступать предпосылкой определенных методов правового регулирования.

5. Ценность права как культурного и социального явления актуализируется на многих уровнях, порождая различные правовые механизмы и феномены, начиная от элементарных правовых норм и заканчивая сложными этическими концепциями. При этом в основу ценности права заложен вектор, предусматривающий идеализацию права, который, как правило, связан с идеологической константой, базирующейся на конституционно-правовой аксиологии, идеях демократии, концепции правового государства и т.д. Эта ситуация в настоящее время требует научного переосмысления, в том числе и на уровне правовой политики, так как демократия и права человека могут использоваться и как инструмент управляемого хаоса (пример – феномен т.н. цветных революций).

Современный этап развития национального права в Республике Беларусь в определенной степени характеризуется ценностным кризисом, что актуализирует проведение правовых реформ, корректирующих механизмы защиты ценностей вообще и правовых ценностей в частности.

6. Ценность права как параметр (феномен) конкурентной культуры предполагает рассмотрение права в его инструментальном ключе, с точки зрения функционала существующего набора правовых инструментов. Право формирует условия для защиты ценностей и в то же время является непосредственным средством (инструментом) такой защиты, обеспечивающим законность, правопорядок, разрешение конфликтов и противодействие правонарушениям. При этом само право становится самостоятельной духовной ценностью, без которой нормативная, упорядочивающая составляющая культуры будет неполной.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Баева, Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная философия истории / Л. В. Баева. – Астрахань: Астрах. гос. ун-т, 2004. – 275 с.
2. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие / А. Я. Флиер. – Москва: Акад. проект, 2000. – 458 с.
3. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – №2. – С. 106–114.
4. Ивин, А. А. Аксиология / А. А. Ивин. – Москва : Высш. шк., 2006. – 390 с.

5. Горобец, К. Г. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс / К. Г. Горобец. – Одесса: Феникс, 2013. – 218 с.

6. Бородич, А. А. Аксиология социального действия / А. А. Бородич. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2005. – 273 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. Комкова, Г. Н. Категория «ценность» в конституционном праве России / Г. Н. Комкова // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Экономика, упр., право. – 2012. – Т. 12, вып. 2. – С. 97–99.

10. Файнберг, М. М. Модернизация правовой системы Российской Федерации: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / М. М. Файнберг ; Рост. гос. ун-т путей сообщ. – Краснодар, 2008. – URL: <http://docplayer.ru/43736952-Faynberg-marina-mihaylovna-modernizaciya-pravovoy-sistemy-rossiyskoy-federacii-problemy-teorii-i-praktiki.html> (дата обращения: 23.10.2023).

ON THE QUESTION OF THE VALUE DIMENSION OF LAW AND LEGAL CULTURE

Fironov A.N.

The article is devoted to the study of the axiological nature of law, culture and legal culture. The author describes the dual nature of the category "value" in relation to its understanding in a broad sense (philosophical, religious, ethical, political, etc.) and in a narrow sense – as a concept of legal culture. The fact that the concept of "value" is the object of research in a number of humanities and natural sciences, according to the author, causes a certain difficulty in understanding its content and building a typology (since it is necessary to identify the key features inherent in the nature of this category, and they will be different for different scientific fields). In this work, the emphasis is on the study of "value" in the legal space, which is determined by the evolution of the culture of each particular society (which explains the specificity of the value system for individual nations and its gradual transformation in the historical context). The author points out the manifestation of crisis phenomena in the axiomatics of modern democratic states and the need for appropriate correction of the principles of the social contract. A detailed analysis of the regulatory and spiritual

components integrated into the structure of legal value as a legal category allows the author to formulate the basic provisions of the current state of scientific discourse within the framework of the theory of the value nature of law.

Keywords: culture, legal culture, law, value, axiomatics, value of law, legal value.

*****

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Балашов Константин Геннадьевич

Помощник адвоката,

Адвокатская контора Красноперкопского района г. Ярославля
(Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия

E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

SPIN-код 1346-3110

Кухарев Юрий Станиславович

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства
и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Курск, Россия

E-mail: yurij.kuharev@yandex.ru

SPIN-код 9832-0148

Макеева Инга Олеговна

Студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Курск, Россия

E-mail: ingamakeeva026@gmail.com

SPIN-код 8079-8978

Косоголова Наталия Анатольевна

Студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Курск, Россия

E-mail: kosgolova02@mail.ru

В рамках динамичного развития правовых государственных механизмов и актуализации стратегий по интенсификации процессов противодействия преступным деяниям, приобретает особую значимость

тема исследования мер, направленных на снижение коррупционных явлений и препятствие злоупотреблению служебными функциями. В данной аналитической работе произведен комплексный обзор нормативных механизмов, предназначенных для пресечения использования служебного статуса в целях, контрастирующих с благосостоянием общества и государства, основываясь на стремлении к личной выгоде или преднамеренном вреде общественным интересам.

Сквозь призму изучения действующего законодательства, анализа судебной практики и привлечения специализированных научных источников, авторы предлагают обстоятельный анализ проблематики, касающейся уголовной ответственности в контексте злоупотребления служебными полномочиями.

Значимость исследования подчеркивается ускоренным темпом эволюции преступлений, связанных с неправомерным использованием предоставленных властных полномочий, что подразумевает необходимость быстрой адаптации законодательной системы ко всем новообразуемым угрозам в сфере общественной безопасности. Выводы данного исследования могут служить важным вкладом в дополнение существующего теоретического фундамента по обозначенной тематике, а также в проведении корректировок и улучшений в законодательном регулировании, с целью повышения его эффективности в борьбе с противоправным применением служебных полномочий.

Ключевые слова: уголовная ответственность, злоупотребление полномочиями, коррупция, правовая система, законодательное регулирование, эффективность борьбы, реформирование законодательства, безопасность общества.

Значимость исследования проблематики уголовной ответственности, связанной с ненадлежащим использованием служебных полномочий, обосновывается трудностями в процессе их квалификации. Интерес в академической сфере к анализу границ злоупотребления полномочиями в контексте схожих преступлений обусловлен частой сложностью его дифференциации от других деликтов с аналогичными элементами. Преступления в сфере служебной деятельности коммерческих структур, хотя и не выступают в качестве первостепенных объектов уголовно-правовой охраны, тем не менее, демонстрируют высокую распространенность.

Статистика преступлений за злоупотребление полномочиями показывает следующую динамику: в 2021 году было осуждено 103 лица, в 2020 – 93 лица, в 2019 – 121 лицо, в 2018 – 145 лиц [1]. Эти данные подчеркивают важность проблематики, особенно учитывая, что вопросы злоупотребления служебными полномочиями, вне рамок их классификации, как автономного деяния получили недостаточно исследуются. Основная задача, которой посвящено данное исследование, касается выработки интегрированного понимания механизмов квалификации злоупотребления служебными

полномочиями и принципов установления уголовной ответственности за такое деяние.

Фундамент исследовательской методологии настоящего труда представляет собой совокупность многообразных эпистемологических инструментов, развертывающихся на перекрестке всесторонних, теоретико-общих и узкоспециализированных методологических стратегий. В области всесторонних методологических стратегий нашло применение диалектическое мышление и системно-аналитический подход; в контексте теоретико-общих методов было задействовано индуктивное рассуждение и дедуктивного умозаключения, выполнялся структурно-функциональный анализ, применялись процессы глубокого аналитического разграничения и методология концептуального осмысления; среди узкоспециализированных техник исследования предпочтение отдавалось юридическому формализму и сравнительно-правовому исследованию.

Одна из ключевых проблем в процессе правовой квалификации злоупотребления полномочиями заключается в четком разграничении между фигурой субъекта, осуществляющего злоупотребление полномочиями, и индивидом, осуществляющим злоупотребление должностными полномочиями [2, с. 28]. В этом контексте особенно актуальным становится сопоставление индивида, занимающегося управлением в коммерческой либо иной форме организации, и должностного лица. Уголовно-правовая норма описывает индивида, уполномоченного на выполнение управленческих функций в коммерческой или иной структуре, как субъекта, осуществляющего функции единоличного руководящего органа, члена органа управления либо участвующего в иной форме коллегиального исполнительного органа, либо же как лицо, стабильно, временно или на основании специальных полномочий занимающееся выполнением организационно-управленческих или административных деятельностей в указанных учреждениях.

В ходе анализа специфики уголовной ответственности, предусмотренной статьей 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, были сформированы определенные научные выводы относительно злоупотребления полномочиями. Этот вид преступления выделяется своей сложностью в плане квалификации, как с точки зрения объективных, так и субъективных характеристик. В литературе юридического профиля особое внимание уделяется дискуссии о диссонансе между родовым и видовым объектами злоупотребления полномочиями, которые зафиксированы в структуре Особенной части Уголовного кодекса с использованием иерархии разделов и глав [3, с. 15]. Разрешение данного диссонанса предлагается через принятие расширительной интерпретации понятия экономической активности, охватывающего сопутствующие ей служебные взаимоотношения, или путем выделения главы 23 Уголовного кодекса в отдельную структурную часть кодекса. Кроме того, затруднения в квалификации злоупотребления полномочиями наблюдаются и в аспекте его объективной стороны – законодательство не раскрывает аспект

включения в дефиницию злоупотребления полномочиями элемента превышения полномочий. «Замораживание» квалификации действия на уровне полномочий, определенных локальными актами, является значительной практической трудностью, требующей законодательного разрешения путем уточнения, что превышение полномочий следует рассматривать как специфическое проявление злоупотребления полномочиями, что позволит исключить изъятие превышения полномочий из сферы уголовной ответственности [4, с. 102]. В рамках исследовательского рассмотрения проблематики квалификации действий, отвечающих защищенным законом интересам субъектов хозяйствования, были выявлены неоднозначности и трудности. В особенности, когда речь идет о применении доктринальных положений гражданского права, касающихся целей функционирования как коммерческих, так и некоммерческих организаций, возникновение споров о легитимности действий, направленных на минимизацию налоговых обязательств через механизмы скрытия финансовых результатов деятельности, могут быть ошибочно интерпретированы как соответствующие приоритетам коммерческой выгоды [5, с. 134]. В связи с этим, высказывается предложение о необходимости закрепления на уровне законодательства ключевой тезис, согласно которому нелегитимные действия априори не могут ассоциироваться с действующими в интересах организации и, таким образом, подлежат исключению из рамок правовых действий, соответствующих корпоративной политике. Это послужит надежным механизмом предотвращения квалификационных разночтений при анализе юридически значимых ситуаций такого рода.

Одним из критических аспектов в процессе правовой квалификации актов злоупотребления полномочиями выступает отсутствие в нормативных актах детализированного разъяснения сущности «существенного вреда», который является ключевым для формирования материального элемента состава преступления. В контексте судебной практики трактовка существенного вреда принимает многогранную форму, охватывая такие проявления, как имущественные убытки, физические повреждения, моральный ущерб, ущерб конституционным правам, законным интересам индивида и социума и даже потенциальную выгоду, которая не была получена [6, с. 65]. Такой широкий диапазон интерпретаций предъявляет к судебным органам требование проведения комплексной оценки обстоятельств конкретного дела для признания наличия или отсутствия существенного вреда в результате злоупотребления полномочиями.

В свете указанной обособленности и значительного разнообразия подходов к определению существенного вреда представляется актуальным внести поправки в статью 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, дополнив ее примечанием, которое бы содержало исчерпывающее определение данного понятия [7, с. 3172]. Включение такого примечания позволит достичь точности в правоприменении, исключая возможность проблем, связанных с разночтениями относительно материального состава преступления,

связанного с злоупотреблением полномочиями.

Затруднения в процессе юридической квалификации лиц, допускающих злоупотребление полномочиями, носят обусловленный характер, образованный прибеганием к концепции бланкетного определения субъекта данного типа деяний [8, с. 42]. Субъект преступления описывается в качестве обобщенной категории, предусматривающей исключение из своего круга лиц, которые в соответствии с примечанием к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации классифицируются как должностные лица. Эта широта формулировок представляет собой фундаментальную дилемму, решение которой предполагается через отказ от использования бланкетного метода в определении субъекта преступления в пользу подхода, основанного на методологии исчерпывающего обобщающего перечня характеристик, позволяющего однозначно идентифицировать субъектов данного рода противоправных действий [9, с. 268].

Такой подход обусловлен стремлением к более точной правоприменительной деятельности, исключающей субъективный фактор при определении круга лиц, подпадающих под действие указанной нормы, и предотвращающей возможность расширительного толкования положений Уголовного кодекса. Предложенная корректировка нормативного регулирования в виде модификации примечания к статье с использованием исчерпывающего перечисления специфических особенностей субъекта преступления становится ключевым решением для устранения выявленной проблемы бланкетности.

Критическое осмысление включения в структуру компонента злоупотребления полномочиями категории преступной цели выявляет определенные сложности в ее доказательстве вследствие комплексности и многосложности ее юридической формулировки. Несмотря на то, что данная категория выполняет функцию конструктивного элемента состава преступления и ее установление является необходимым условием при юридической квалификации соответствующего деяния, присутствует мнение о целесообразности ее исключения из юридической структуры указанного состава ввиду отсутствия значимой роли для определения квалификационных характеристик. Важно отметить, что нормативное регулирование уже содержит ссылки на конкретные последствия и на совершение противоправного деяния «в ущерб законным интересам организации», что обеспечивает адекватное отражение общественной опасности подобных действий.

В этом контексте предложение о прекращении учета преступной цели в качестве составляющей части злоупотребления полномочиями обосновывается стремлением к упрощению процесса юридической квалификации и повышению четкости нормативных предписаний, что позволит сфокусироваться на ключевых элементах общественной опасности без необходимости обременения доказывания формализованных целей, изначально подразумеваемых в деяниях, наносящих ущерб легитимным интересам субъектов.

Определение субъекта, осуществляющего злоупотребление

полномочиями, представляет собой комплексный аналитический процесс, который включает в себя не только идентификацию субъекта в качестве такового, но и детальный анализ различных аспектов его служебной деятельности. Этот процесс предусматривает выявление и интерпретацию конкретных положений локальных нормативных актов организации, которые лежат в основе исполнения субъектом своих полномочий. Важно также установить точное содержание полномочий субъекта, определить объем и характер выполняемых им функций, оценить временный или постоянный характер исполнения полномочий, а также выяснить основания для занятия занимаемого служебного положения и другие сопутствующие аспекты.

Эти характеристики являются ключевыми для корректной квалификации действий субъекта как злоупотребления полномочиями и требуют от правоприменителей не только глубоких знаний в области уголовного права, но и понимания специфики действующих внутриорганизационных правовых механизмов. Учитывая многообразие форм и вариантов служебных отношений, а также потенциальную разнообразность локальных нормативных актов, процедура определения обстоятельств злоупотребления полномочиями обрастает дополнительными сложностями и нюансами, которые необходимо адекватно адресовать в процессе юридического анализа и квалификации.

В рамках предлагаемых совершенствований текста статьи 201 Уголовного кодекса Российской Федерации формулируется следующая диспозиция: «Осуществление действий лицом, находящимся в положении исполнения управленческих обязанностей в структуре организации, определенной в примечании 1 к данной статье, которые направлены на использование своих служебных полномочий в манере, противоречащей законным интересам упомянутой организации, при условии, что подобные действия привели к наступлению субстанциального ущерба правам и законно обоснованным интересам лиц (физических или юридических) или затрагивают интересы, охраняемые государственным законодательством, как в социально-общественной, так и в государственной сфере».

В ведомственных пояснениях к обновленной статье положено изложение каталога типов организационных структур, в контексте которых субъект может исполнять управленческие функции, а также предоставлено детальное толкование феномена «существенного вреда», что способствует достижению безусловной точности и понимания приложения данного нормативного положения. Это корректирование вносится в целях обеспечения большей юридической определенности и снижения риска субъективного толкования положений права относительно действий, совершаемых в рамках исполнения управленческих функций, ведущих к неправомерному причинению вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России / официальный портал судебного департамента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.03.2024)
2. Боровкова, И.С. Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями [Текст]: дисс. на соискание ученой степени кандидата наук / И.С. Боровкова. Москва, 2021. 236 с.
3. Аксенов, В.Н. Отграничение злоупотребления полномочиями от злоупотребления должностными полномочиями по УК РФ [Текст] / В.Н. Аксенов // Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика : статья в сборнике трудов конференции. 2020. С. 14-17.
4. Донская, О. Г. Уголовная ответственность нотариуса [Текст] / О.Г. Донская, Е.Н. Москалева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 4. С. 101-110.
5. Егорова, Н.А. Злоупотребление служебными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа [Текст] / Н.А. Егорова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 132-138.
6. Жилко, И.А. Злоупотребление полномочиями частным нотариусам: состав преступления, предусмотренного статьей 202 УК РФ [Текст] / И.А. Жилко, Е.М. Глушкова, Ч.Ш. Купирова // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 6. С. 63-67.
7. Иванова, А.П. Основные критерии разграничения статьи 174 ГК РФ и статьи 201 УК РФ [Текст] / А.П. Иванова, Э.З. Сакаева // StudNet. 2022. № 5. С. 3170-3176.
8. Каменский, Н.А. Вопросы регулирования ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях в международном и зарубежном законодательстве [Текст] / Н.А. Каменский // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 40-46.
9. Клещенко, Ю.Г. К вопросу о криминалистической характеристике злоупотребления полномочиями [Текст] / Ю.Г. Клещенко // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 267-277.

**TOPICAL PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY
FOR ABUSE OF AUTHORITY**

**Balashov K.G., Kukharev Yu.S., Makeeva I.O.,
Kosogolova N.A.**

Within the framework of dynamic development of legal state mechanisms and actualisation of strategies for intensification of processes of

counteraction to criminal acts, the topic of research of measures aimed at reduction of corruption phenomena and prevention of abuse of official functions acquires special significance. This analytical work provides a comprehensive review of the regulatory mechanisms designed to prevent the use of official status for purposes contrary to the welfare of society and the state, based on the pursuit of personal gain or deliberate harm to the public interest.

Through the prism of the study of the current legislation, analysis of judicial practice and involvement of specialised scientific sources, the authors offer a thorough analysis of the issues related to criminal liability in the context of abuse of official authority.

The significance of the study is underlined by the accelerated pace of evolution of crimes related to the misuse of granted authority, which implies the need for rapid adaptation of the legislative system to all newly formed threats in the sphere of public security. The conclusions of this study can serve as an important contribution to supplement the existing theoretical foundation on the designated subject, as well as in the adjustments and improvements in the legislative regulation, in order to increase its effectiveness in the fight against the misuse of authority.

Keywords: criminal liability, abuse of authority, corruption, legal system, legislative regulation, effectiveness of the fight, reforming legislation, public safety.

УДК 347.97

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЬИ В РОССИИ: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Романенко Елена Александровна

Доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
Центральный филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»,
Воронеж, Россия

E-mail: sonik24012005@mail.ru

Бокова Алёна Олеговна

Студент, Центральный филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»,
Воронеж, Россия

E-mail: a.o.bokova@gmail.com

В статье проводится историко-правовой анализ развития статуса судьи, выявлены существующие проблемы, определены задачи, требующие решения для совершенствования статуса судьи в России. Актуальность темы обусловлена тем, что на данном этапе развития общества происходит активное реформирование статуса судей. Его нормативное правовое регулирование вызывает пристальное внимание учёных из-за большого объёма, чрезмерного количества бланкетных статей, наличия противоречий и коллизий, а также дублирования норм. В соответствии с этим, полагаем целесообразным реформирование судебной системы, оптимизацию нагрузки, совершенствование статуса судьи, расширение штата сотрудников аппаратов судов, а также обеспечения совершенствования судебной системы в части процессуального законодательства, что может привести к развитию примирительных процедур и это положительно скажется, как на судебной системе в целом, так и на статусе судьи в частности.

Ключевые слова: судья, судебная система России, основа судебной власти, статус судьи, этапы формирования статуса, правовой статус судей, правовое регулирование, цели реформирования судебной системы, цель совершенствования правового регулирования статуса судей, персональные данные и закон.

Конституционное право гражданина участвовать в отправлении правосудия имеет несколько форм и проявлений в судебной системе Российской Федерации (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ), реализуется как на профессиональной основе через институт судей, так и на непрофессиональной основе через институт присяжных заседателей и арбитражных заседателей. Участие присяжных заседателей и арбитражных заседателей позволяет гражданам принимать участие в судебном разбирательстве, принимать решения о виновности подсудимого и определять размеры судебных постановлений по уголовным и гражданским делам. В свою очередь, статус судьи предполагает профессиональное выполнение судебных функций по рассмотрению дел и вынесению решений.

Формирование судебной системы – это длительный исторический сложный процесс, напрямую зависящий от развития всех сфер жизни общества, к основным этапам которого следует отнести:

- древнерусский период – формирование государственности и представления о том, что представляет собой официальный суд, обладающий возможностью регулирования отношений путём разрешения споров;

- московское царство – в этот период зарождались основы того, что в будущем станет статусом судьи;

- период правления Петра I: 1721 г. – создание новых органов правосудия;

- период правления Екатерины II: 1775 г., 1780 г. – регламентирование функций суда;

- период правления Александра I: 1801 г. – учреждение новой Комиссии составления законов;

- период правления Николая I: 1832 г. – завершение систематизации российского законодательства;

- период правления Александра II: 1861–1864 гг. – судебная реформа;

- период правления Николая II: 1912 г. – совершенствование судебной системы Российской империи;

- Временное правительство, 1917 г.: реорганизация судебной системы, образование Высшего дисциплинарного суда;

- РСФСР, 1920 г.: образование единого народного суда;

- РСФСР, 1922 г.: образование единой системы общегражданских судов, включающей Верховный Суд РСФСР, а также народные и губернские суды;

- 1930–1950 гг. – осуществление судом в условиях отсутствия защиты карательных функций;

- 1958 г. – принятие основ законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик;
- 1960–1980 гг. – проведение реформы системы судебной власти; включающей реабилитацию жертв политических репрессий, принятие мер по укреплению независимости суда;
- период распада СССР: реформирование российской государственности;
- СССР: 4 августа 1989 г. – принятие первого нормативно-правового акта о статусе судей как самостоятельной правовой категории – Закона СССР от 4 августа 1989 г. № 328-1 «О статусе судей в СССР»;
- РФ: Конституция РФ 1993 г. закрепила роль и место судов в системе органов государственной власти как самостоятельной и независимой её ветви, определила принципы организации и деятельности суда.

Остановимся на основных этапах формирования статуса судьи в России.

В Древней Руси статус был не сформирован, однако, уже существовало понятие о том, какую роль играет судья в регулировании общественных отношений. Хотя в древнерусском государстве и не существовало единой системы судопроизводства и статуса судьи, судебные функции уже осуществлялись и выполнялись такими органами, как вече – народное собрание, которое решало наиболее важные дела, в том числе и судебные, и князь – высшее должностное лицо, осуществлявшее суд по наиболее важным делам, имевшее право помилования и возможность делегирования часть своих полномочий дружинникам – лицам, близким к князю, которые могли осуществлять функции судей от имени князя. В целом, можно сказать, что в древнерусском государстве судьи играли важную роль в решении споров и конфликтов в соответствии с обычным правом, нормами обычного права и обычаями, принятыми в данном обществе. Их статус был связан с их ролью в поддержании правопорядка и справедливости в обществе. Они обладали значительным авторитетом и уважением в общественной среде, а их решения принимались как законные и обязательные для исполнения, что отражало высокий уровень доверия к различным судебным институтам со стороны общества.

В период становления и развития Московского царства произошли ключевые изменения и были заложены основы того, что в будущем станет тем, что мы сейчас знаем, как статус судей. В период средневековья и раннего Нового времени Московское царство развивалось как абсолютная монархия с четко выраженными централизованными властными структурами, в которых судебское звено играло ключевую роль в правосудии.

Процесс назначения судей в Московском царстве осуществлялся по рекомендации высших чинов и должностных лиц, непосредственно связанных с царской администрацией. Судьи могли быть выбраны из числа придворных бояр или военных чиновников, их выбор определялся чаще всего, знатностью рода, что способствовало формированию престижности данной профессии.

Несмотря на отсутствие формализованных норм о неприкосновенности, судьи в Московском царстве пользовались определенной степенью защиты и уважения в обществе. Однако их деятельность также могла подвергаться контролю и критике, особенно в случае несправедливых или неправомερных решений. Так, например, Иван III смещал судей, которые были к нему нелояльны, а Иван IV приказал казнить нескольких судей за неправосудные решения.

Важным этапом в становлении и развитии концепции статуса судьи стало царствование Петра I, в период которого судебная система подверглась значительным изменениям, которые существенно повлияли на статус и роль судей в обществе. Петр I провел целый ряд реформ, направленных на модернизацию государственного аппарата, включая судебную систему. Он усилил централизацию власти, создав единые судебные органы, такие как Сенат, являвшийся высшим судебным органом, и Юстиц-коллегию, которая представляла собой центральный орган управления судебной системой. Это привело к установлению более строгой и эффективной системы правосудия, а также началу формирования судейского корпуса, состоящего в основном из заслуженных чиновников. Отбор судей стал более строгим, их образование и опыт работы стали ключевыми критериями при назначении. Кроме того, в рамках реформ Петра Великого были установлены новые нормы ответственности для судей, направленные на повышение эффективности их деятельности и ответственности перед законом и обществом. В то же время, лица, назначенные судьями, могли пользоваться определенной степенью неприкосновенности при осуществлении своих обязанностей, а также наделялись правом получения определённых привилегий за свою деятельность, как, например, право владения землёй. В целом, статус судьи в Российской Империи времён Петра Великого закрепил существенные черты, выделяющие судью, как лицо, занимающееся выполнением специфических обязанностей по отправлению правосудия, а также усилил их роль в жизни общества.

Однако, завершение формирования статуса судьи и его юридическое оформление произошло только в XIX веке после судебной реформы, проведённой Александром II.

Одним из ключевых изменений после неё стало стремление к профессионализму и независимости судей. В отличие от предыдущих времен, когда судьи часто назначались из числа придворных бояр и различных чиновников, после реформы критерии отбора стали более строгими. Судьи назначались на основе образования, опыта работы и профессиональных навыков, что способствовало значительному повышению квалификации и компетентности как отдельных лиц, занимающихся отправлением правосудия, так и всего судейского корпуса в целом. Теперь судьёй мог стать только человек с юридическим образованием, безупречной репутацией и судебным опытом. Все судьи назначались лично императором, а судебная власть стала полностью отделена от административной, что являлось гарантией такого важного элемента правового статуса судьи, как независимость. Благодаря этому,

судьи получили большую свободу в принятии различных решений и рассмотрении дел, что способствовало резкому повышению качества отправления правосудия.

Кроме того, после судебной реформы судьи приобрели куда более значимую роль в обществе. Они стали по-настоящему авторитетными фигурами, играющими ключевую роль в поддержании законности и порядка, а их решения относительно рассматриваемых дел и мнение по каким-либо вопросам государственно-правовой действительности стали важным аспектом, способствующим формированию правовой культуры и укреплению государственной стабильности.

В дальнейшем юридическое оформление статуса судьи продолжилось, продлившись весь XIX век и XX, и идёт ещё в XXI веке, но касаясь этого периода, можно отметить факт совершенствования судейского статуса.

В настоящий момент, судьи – это центральные фигуры в судопроизводстве, представляющие собой основу судебной власти, которая, согласно ФЗ, принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа. Судья Российской Федерации – лицо:

- наделённое в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие: лично и непосредственно осуществляет правосудие от имени государства – Российской Федерации;

- исполняющее свои обязанности на профессиональной основе, никому не подотчётное в своей деятельности по осуществлению правосудия.

В России все судьи имеют единый статус, заключающийся в том, что независимо от типа суда, судья как гражданин России, обладающий судейскими полномочиями, осуществляет свою деятельность в четырёх областях правоотношений: профессиональной; корпоративной; государственной службы, и в сфере реализации социально-экономических прав граждан.

Разнообразие статусов судей в Российской Федерации обусловлено различиями в содержании должностных норм, касающихся критериев отбора, порядка назначения на государственную должность судьи и прохождения государственной службы на этой должности (судейской служебной карьеры) [3]. Кроме того, существуют чёткие основания и порядок привлечения судей к ответственности и прекращения их полномочий.

По мнению Ермошина Г.Т., статус судьи как научно-правовая категория, – статус личности, наделенной судейскими полномочиями, являющийся единством взаимосвязанных модусов: модус лица – носителя судебной власти, модус члена судейского сообщества, модус лица, замещающего государственную должность Российской Федерации (государственную должность субъекта РФ), модус гражданина с особым ограниченным режимом реализации конституционных прав [4].

В связи со сказанным можно уверенно говорить о том, что статус судьи можно определить, как статус личности, наделяемой судейскими

правомочиями, и представляющей собой комплекс конституционных, иных нормативных правовых и корпоративно установленных положений, определяющих права, обязанности, ограничения, гарантии, а также меры социально-правовой защиты и т.д. на всех этапах жизнедеятельности судьи.

Правовой статус судей представляет собой законодательно признанную совокупность гарантированных основополагающих прав, обязанностей и компетенции судей как личностей, так и должностных лиц. Он определяет их социально-правовое положение в государственно организованном обществе, обеспечивает соответствующую защиту и соблюдение прав и обязанностей на каждом этапе их профессиональной деятельности.

Таким образом, статус судьи в Российской Федерации определяется многообразием факторов, выражается в комплексе прав, обязанностей, ограничений и гарантий, которые обеспечивают целостность и независимость судебной системы и обеспечивают эффективную реализацию правового положения судей в реалиях государственно-правовой действительности.

Определение правового положения статуса судей в Российской Федерации осуществляется рядом законов и иных нормативных правовых актов РФ, таких, как, например, Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», иные федеральные конституционные законы, федеральные законы о принципах организации судебной власти, Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3231-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [7]. Законодателем регулярно осуществляется изменение и дополнение действующих законов. Нормативное правовое регулирование статуса судей вызывает пристальное внимание учёных из-за большого объёма, чрезмерного количества бланкетных статей, наличия противоречий и коллизий, а также дублирования норм, выход из сложившейся ситуации учёные предлагают кодификацией законодательства о статусе судьи, либо путём создания двухуровневой системы актов.

Предмет правового регулирования статуса судей – совокупность аспектов, связанных с деятельностью судьи на различных этапах: на этапе процесса отбора и назначения на должность судьи, где регулируются процедуры отбора кандидатов на судейскую должность, предъявляются квалификационные требования, оцениваются профессиональные навыки, а также критерии и процедуры их назначения; на этапе осуществления судейских полномочий, в этом аспекте регулируются права, обязанности и ответственность судьи в ходе его профессиональной деятельности, включая независимость и неприкосновенность судьи, процедуры рассмотрения дел, принятие решений и вынесение судебных актов, соблюдение этических стандартов, а также статус, льготы и меры по обеспечению безопасности судьи; на этапе статуса личности, вышедшей в отставку после прекращения судейских полномочий. Все эти аспекты судейского статуса согласованы между собой и направлены на обеспечение эффективной и справедливой работы судей, а также на поддержание

высокого уровня независимости, неприкосновенности и непредвзятости в их деятельности.

Вышеперечисленные вопросы и аспекты регулируются законодательством, нормативными актами и правилами, которые обеспечивают законность, справедливость и эффективность деятельности лиц, осуществляющих отправление правосудия.

Правовое регулирование статуса судьи в Российской Федерации осуществляется на различных уровнях:

- общий - принимаются нормативные правовые акты, регулирующие все аспекты деятельности судей;
- высших судов РФ - формируется юридическая практика, и определяются трактовки и осуществляется применение законодательных актов;
- Судебного департамента при Верховном Суде РФ - осуществляется руководство судебной системой и контроль над деятельностью судей на уровне административного органа;
- корпоративный - формирует внутренние правила и процедуры, регулирующие поведение и ответственность судей.

Целью совершенствования правового регулирования статуса судей служит:

- разрешение накопленных противоречий,
- решение проблемы законодательного дисбаланса в сфере регулирования статуса судьи,
- обеспечение стабильности судейского корпуса.

Одной из важнейших гарантий профессиональной деятельности судьи как лица, замещающего государственную должность, является законодательное регулирование судейской карьеры - установленного законом порядка прохождения государственной службы лицом, замещающим государственную должность судьи, путём последовательного роста этой должности по одному из направлений судейской карьеры.

Согласно ФКЗ «О судебной системе», к основным элементам правового статуса судьи в Российской Федерации относятся:

- независимость (ст. 9);
- несменяемость (ст. 12);
- неприкосновенность (ст. 16) [8].

Независимость судьи - главный элемент особого правового статуса судьи, основное условие деятельности самостоятельной и авторитетной судебной власти по защите прав и законных интересов личности. Независимость обеспечивается специальными гарантиями, установленными законодательством. Всякое вмешательство в деятельность судьи преследуется по закону (ФКЗ «О конституционном суде РФ», ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ). Сформулированный Ермошиным Г.Т. модусный подход к исследованию статуса судьи, позволил определить основные группы гарантий, обеспечивающих его независимость:

- процессуальные гарантии, являющиеся частью судьи как носителя судебной власти:

- гарантии судьи как лица, замещающего должность государственной службы;
- судьи как члена судейского сообщества, представляющего собой законодательное закрепление прав судьи в судейском сообществе;
- особые социально-правовые меры обеспечения и защиты личности.

Социальные гарантии и высокая оплата труда судьи – серьезная гарантия независимости судьи в принятии решений. Но при отсутствии, например, возможности повышать свою квалификацию, занимаясь изучением права на научном уровне, зависимости от председателя, требования вынесения шаблонных вердиктов, высокая заработная плата может стать неким компромиссом его зависимости.

Закон «О статусе судей в Российской Федерации» устанавливает несменяемость судей [7].

Неприкосновенность судьи – существенная гарантия независимости судей, определяемая ч. 1. ст. 122 Конституции РФ, гласящей: «Судьи неприкосновенны».

Статус судьи – соразмерные и оправданные для реализации социально значимой роли судьи в обществе не только повышенный уровень гарантий для лиц, осуществляющих правосудие, но и высокий уровень ответственности и ограничений в свободе действий. В соответствии с этим, полагаем целесообразным реформирование судебной системы, оптимизацию нагрузки и совершенствование статуса. На наш взгляд, это поможет в реализации следующих целей, а именно даст возможность оптимизации и снижения нагрузки на судей и работников аппарата суда, будет способствовать расширению штата сотрудников аппаратов судов, а также обеспечит совершенствование судебной системы в части процессуального законодательства и поможет развитию примирительных процедур, что положительно скажется, как и на судебной системе в целом, так и на статусе судьи в частности.

Кроме того, в рамках предложенных идей считаем целесообразным осуществить следующее: произвести совершенствование оплаты труда судей, организовать реформирование порядка присвоения квалификационных, реализовать возможность присвоения квалификационного класса судье выше предусмотренного уровнем суда, в котором он осуществляет правосудие, а также осуществить разработку конкретных критериев для повышения квалификационного класса.

Не стоит забывать, что мир не стоит на месте, и информационные технологии входят во все сферы жизнедеятельности общества. Не обошло это и наше правосудие. Нельзя не согласиться с тем, что это значительно облегчало жизнь судей и участников процесса. Количество дел, поданных в электронном виде с 2020 года по настоящее время, резко возросло по сравнению с предыдущим периодом [10].

Президент Владимир Путин на итоговом совещании судов, состоявшемся 15 февраля 2023 года, отметил возросшую нагрузку на судей. Так, например, в 2021 году российские суды рассмотрели 39,2 млн дел, в 2022 году – 40,7 млн. По данным Судебного Департамента, за

девять месяцев текущего года судами уже рассмотрено более 32 млн дел [9].

Проанализировав труды ведущих правоведов Ермошина Г.Т., Виноградовой С.А., Волкова В.В., Воскобитовой Л.А., Цветкова И.В. и др., а также материалы сайта Судебного Департамента, на основе проведённого анализа можно заключить, что снижение нагрузки на судей следует отнести к приоритетным целям реформирования судебной системы, требующее помимо перераспределения должностей, в связи с цифровизацией правосудия, приобретение навыков работы с инфокоммуникационным оборудованием, а также совершенствование судебной системы в части законодательства.

В связи с этим, нельзя не упомянуть и о важности статуса судьи в условиях активной цифровизации и возрастающей роли развивающегося искусственного интеллекта (далее-ИИ).

Развитие ИИ приводит к появлению новых технологий и систем, способных автоматизировать многие аспекты судебной деятельности. Это включает в себя анализ данных, прогнозирование решений, автоматизацию процессов подготовки различных документов и т.д. ИИ может значительно ускорить процессы судопроизводства и повысить его эффективность. Появляется мысль о создании робота-судьи.

Однако, несмотря на значительные достижения в области ИИ, замена живого судьи автоматизированными системами невозможна. Хотя ИИ способен обрабатывать и анализировать большие объёмы данных, он не обладает человеческим интуитивным пониманием и моральными принципами, необходимыми для разрешений сложных этических и правовых споров. Человек, в отличие от продукта цифровых технологий, обладает способностью принимать решения с учётом конкретных жизненных обстоятельств, руководствуясь при этом не только буквой закона, но и на фундаментальными принципами права, такими как принципы справедливости и гуманизма, а также опираясь на различные средства морали и этики, что способствует качественному отправлению правосудия, позволяя при этом судье оставаться независимым и соблюдать все требования высокого судейского статуса, что делает его жизненно необходимым элементом государства и общества.

В заключение, можно с уверенностью сказать, что статус судьи является важным элементом российской правовой системы, обеспечивая качественное отправление правосудия, и, как следствие – надлежащее поддержание правопорядка в жизни государства и общества. Он закреплён множеством правовых актов, в том числе – Конституцией Российской Федерации, что обеспечивает качественную реализацию данного статуса в практической деятельности.

В целом, изложенное позволяет подвести итог исследования вопроса правового статуса судьи, и сказать, что при анализе совершенствования статуса судьи в России нами проанализированы:

- основные этапы становления судебной системы России и формирования статуса судьи;
- основа судебной власти, понятие и основные элементы

правового статуса судьи;

- правовое регулирование статуса судей в России, предмет и цель совершенствования;

- востребованность электронных ресурсов судебной системы Российской Федерации;

- цели реформирования судебной системы.

Также, на основании вышеизложенного и с учётом мнения ведущих правоведов выявлены и рассмотрены существующие проблемы и задачи, требующие решения для совершенствования статуса судьи в России, среди которых:

- совершенствование оплаты труда судей;

- реформирование порядка присвоения квалификационных классов;

- разработка критериев для повышения квалификационного класса;

- разрешение накопленных противоречий;

- решение проблемы законодательного дисбаланса в сфере регулирования статуса судьи.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что дальнейшее исследование и совершенствование статуса судьи является важной задачей для современной правовой науки и практики. Это позволит не только эффективно решить современные проблемы и вызовы различного характера, но и в целом окажет благоприятное влияние на разрешение фундаментальных проблем государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Бокова А.О. Предложения по совершенствованию системы видеоконференцсвязи как процессуального и организационного механизма реализации полномочий судебной власти / А.О. Бокова // Актуальные вопросы эксплуатации систем охранного мониторинга и защищенных телекоммуникационных систем: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, 9 июня 2022 года. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2022. – С. 69-73.

2. Васильева А.П. К вопросу о статусе судьи в Российской Федерации / А.П. Васильева // Инновационная наука. – 2020. – №6. – С. 115-117.

3. Ермошин Г.Т. *Единство и многообразие статусов судей в Российской Федерации* / Г.Т. Ермошин // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2016, № 5. – С. 48-51.

4. Ермошин Г.Т. Статус судьи в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.11 / Ермошин, Григорий Тимофеевич. – Москва, 2016. – 525 с.

5. Виноградова С.А. Принципы правосудия как основа судебной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Виноградова, Станислава Анатольевна. – Москва, 2017. – 140 с.

6. Компьютерная справочно-правовая программа КонсультантПлюс. Кодексы и наиболее востребованные законы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/> (дата обращения: 10.11.2023).

7. О статусе судей: закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 01.11.2023).

8. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 10.11.2023).

9. Официальный сайт Верховного Суда РФ. Владимир Путин призвал судей надежно защищать права и свободы россиян. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32143/ (дата обращения: 10.11.2023).

10. Официальный сайт Верховного Суда РФ. Граждане стали в полтора раза чаще обращаться в суды через интернет. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/28866/ (дата обращения: 01.11.2023).

IMPROVING THE LEGAL STATUS OF JUDGES IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS

Romanenko E.A., Bokova A.O.

The article provides a historical and legal analysis of the development of the status of a judge, identifies existing problems, identifies tasks that need to be solved to improve the status of a judge in Russia. The relevance of the topic is due to the fact that at this stage of society's development, the status of judges is being actively reformed. Its normative legal regulation attracts the close attention of scientists due to its large volume, excessive number of blank articles, the presence of contradictions and collisions, as well as duplication of norms. In accordance with this, we consider it advisable to reform the judicial system, optimize the workload and improve the status of a judge. In our opinion, this will help to achieve the following goals: it will make it possible to optimize and reduce the burden on judges and court staff; It will contribute to the expansion of the staff of the court staff, as well as ensure the improvement of the judicial system in terms of procedural legislation and help the development of conciliation procedures, which will have a positive impact on the judicial system as a whole and on the status of judges in particular.

Keywords: judge, the judicial system of Russia, the basis of judicial

power, the status of a judge, the stages of status formation, the legal status of judges, legal regulation, the goals of reforming the judicial system, the goal of improving the legal regulation of the status of judges, personal data and the law.

УДК 343

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОБВИНЯЕМОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Филимонов Родион Николаевич

Кафедра физической подготовки и спорта Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, начальник кафедры, полковник полиции

E-mail: Fil1782@mail.ru

Харечкин Алексей Николаевич

Кандидат педагогических наук, кафедра физической подготовки и спорта Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры, подполковник полиции

E-mail: HAN-78@inbox.ru

Малофей Александр Олегович

Кандидат технических наук, доцент, кафедра тактико-специальной подготовки Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, доцент кафедры, полковник полиции

E-mail: uzorsv@gmail.com

В настоящей статье анализ правового положения обвиняемого связан с употреблением данного термина в широком смысле слова. Авторы анализируют специфику исследования понятия в контексте научно-исследовательской деятельности, а также в отечественной юридической практике. Работа отражает всестороннее изучение юридической категории «обвиняемый», а также основные ее структурные компоненты.

Данное понятие рассматривается в контексте уголовного права и позволяет определить влияние норм различных отраслей юридической науки на трансформацию его содержания.

Исторический анализ этой категории определяет специфику ее исследования, выявления наиболее значимых сущностных характеристик, динамики изменения правового статуса обвиняемых и наступающих в зависимости от этого юридических последствий. Работа

отражает содержательные характеристики правовой категории «обвиняемого», а также значимость детального разъяснения норм права, регулирующих данное понятие. Кроме того, важно понимать смысловое значение обвинения в контексте определения вины и возможного наказания по отношению к субъекту правоотношений.

Главной целью работы является исследование процесса становления института обвиняемого в отечественном уголовном судопроизводстве. Объектом мы определили институт обвиняемого, предметом – исторический процесс трансформации данного института.

Ключевые слова: процессуальный статус обвиняемого, уголовно-процессуальное толкование, обвиняемый, несовершеннолетний обвиняемый, правовая категория, нормативное регулирование, историческая трансформация.

Актуальность исследования правовой категории обвиняемого обусловлена в первую очередь, необходимостью содержательного определения данного понятия, выявления специфики регулирования последствий обвинения и поведения субъектов правоотношений, в том числе, уголовных.

Исследование правового статуса обвиняемого в отечественном уголовном процессе России, по нашему мнению, необходимо базировать на ретроспективных аспектах, что на современном этапе позволяет понять сущность правового положения обвиняемого и выявить объективные закономерности, обусловившие историческую преемственность влияния норм международного права на изменение совокупности прав и обязанностей данного участника отечественного уголовного судопроизводства.

Поэтому достаточно важно исследовать не только современный, но и исторический контекст трансформации понятия «обвиняемого», определить его структурные компоненты.

Специфика данной категории включает множество аспектов, в том числе, правовых и поэтому целью работы определено исследование процесса становления института обвиняемого в отечественном уголовном судопроизводстве. Объектом мы определили институт обвиняемого, предметом – исторический процесс трансформации данного института.

Кроме того, нами был конкретизирован ряд задач:

Изучение историко-правовых аспектов становления категории обвиняемого в российском праве;

Конкретизация содержательных характеристик понятия виновности;

Выявить особенности современного понимания категории «виновности» в российском правовом пространстве

Методы и методология

Теоретический анализ источников по данной тематике

Результаты и их обсуждение

Изучение историко-правовых аспектов становления категории обвиняемого в российском праве

Анализ научной литературы, посвященной проблемам процессуального статуса обвиняемого, свидетельствует о том, что историческим аспектам развития одноименного уголовно-процессуального института уделено недостаточно внимания, что не позволяет нам сделать вывод об исторической обусловленности изменения правового статуса обвиняемого в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права, исходя из уже имеющихся научных изысканий.

В данной связи представляется целесообразным обратиться к рассмотрению историко-правовых аспектов становления и развития уголовно-процессуального статуса обвиняемого и произвести соответствующее исследование.

Обращаясь к непосредственному анализу эволюции процессуального статуса обвиняемого в уголовном судопроизводстве России, следует отметить, что с момента зарождения в своем самом общем виде и до настоящего времени правовой статус личности, обвиняемой в совершении преступления, претерпел весьма значительные изменения и в своем развитии прошел несколько исторических этапов, характеризующихся особенностями социально-политической обстановки и нормативно-правового регулирования.

Сразу отметим, что правовое положение обвиняемого связано с термином «обвиняемый», но в достаточно широком, общем смысле слова.

В более ранний период под обвиняемым понималось лицо, в отношении которого на протяжении становления отечественного уголовного судопроизводства выдвигались обвинения в совершении общественно опасных деяний и осуществлялись те или иные формы уголовного преследования.

При этом термин «обвиняемый» не употреблялся в законодательных актах вплоть до XIX века, в которых использовалось понятие «ответчик». Анализ законодательства Руси позволяет сделать вывод и о том, под «ответчиком» понималось лицо, как совершившее преступление и подлежащее наказанию, так и обязанное возместить вред, причиненный им в результате правоотношений гражданско-правового характера.

Обращаясь к анализу правового регулирования правового положения лица, обвиняемого в совершении преступления, следует отметить, что первоосновой систематики и терминологии, вошедшей в мировую правовую культуру, является рецептированное всеми западноевропейскими кодификациями римское правовое наследие [8, с.3].

Вряд ли можно говорить о том, что в рамках рецепции римского права правовые установления Рима появились на Руси. Однако бесспорно то, что зарождение правового статуса обвиняемого происходит еще в Древнем Риме, а многие из имевших место в Риме правовых установлений относительно его процессуального статуса

аналогичны тем, которые значительно позже появились в отечественном судопроизводстве.

По нашему мнению, объясняется вышеуказанное обстоятельство тем, что рецепция римского права оказала значительное влияние на право Византии, развитие межгосударственных отношений с которой и обусловило сходство отдельных элементов правового положения обвиняемого на Руси с процессуальным положением данного участника судопроизводства в Древнем Риме.

Кратко характеризуя установления римского права относительно правового статуса обвиняемого, следует отметить, что в Древнем Риме была положена основа развития категории дееспособности, в том числе, уголовно-процессуальной, являющейся составной частью правового положения обвиняемого в современном российском уголовном процессе.

До 7 лет – безусловно невменяемые. До 14 лет (мужчины) и 12 лет (женщины) – условно вменяемые. Достигшие указанного возраста, но моложе 18 лет (по преторскому эдикту 25 лет) – вменяемые [5, с.13].

Как указывает И.О. Воскобойник, некоторые положения римского права оказали существенное влияние на формирование аналогичных категорий в русском праве и прошли значительную трансформацию в контексте многовековой истории [5, с.14].

В российском уголовном судопроизводстве, как будет конкретизировано далее, множество категорий, в том числе- обвинения, связаны с римским правом и поэтому необходимо проанализировать те содержательные характеристики, которые позволяют определить участника правоотношений как обвиняемого. Далее необходимо рассмотреть трансформацию понимания категории обвинения на Древней Руси в целях понимания специфических характеристик данного термина.

Начало развития института обвиняемого в отечественном уголовном процессе неразрывно связан с традициями, имевшими место на территории Руси, сформировавшимися при обращении с лицами, совершившими преступления, в рамках обычного права.

Конкретизация содержательных характеристик понятия виновности

Исходя из этого следует, что процессуальное положение обвиняемого в данный период не может характеризоваться как совокупность прав и обязанностей, регламентированных соответствующими правовыми актами, так как обычай не распространялся в своем неизменном виде на всю территорию государства.

Определенная трудность существует и в исследовании начала развития правового статуса обвиняемого. Обвиняемость включает в себя множество различных характеристик, как объективного, так и субъективного характера. В первую очередь необходимо говорить о мотивации, целях совершения преступления и его запланированности. Данный компонент обвинения является субъективным и нуждается в установлении на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Объективные критерии включают в себя место, время и иные характеристики совершения преступления, которые обуславливают становление категории обвинения.

Первое упоминание о процедуре, положившей основу правового положения обвиняемого, мы находим в текстах договоров Руси с Византией. Данные договоры имели предметом регулирования международные и торговые отношения, однако отдельные статьи данных актов содержали нормы уголовного и уголовно-процессуального права в современном понимании этого слова, хотя речи об отделении отраслей права в то время еще не было.

Как отмечает, В.И. Сергеевич [9, с.663], договоры имели ссылки на «закон русский», а договоры с Византией представляли собой компромисс между русским и византийским правом, оказывая на первый непосредственное влияние.

Анализ договоров с Византией показывает, что текст ст. 4 договора 911 года и ст. 13 аналогичного договора 944 года предусматривают наказание в виде предания убийцы смерти в случае убийства русским грека или греком русского. Вместе с тем буквальное толкование указанных норм дает нам основание полагать, что процессуальный порядок обращения с лицом, которое обвинялось в совершении указных преступлений, в данных договорах не регламентирован.

Договор 945 года, подписанный при князе Игоре, предусматривал возможность передачи сторонам договора преступников. Содержание подобных договоров обуславливает лишь необходимость их соблюдения без законодательного закрепления необходимости признания конкретных лиц виновными [10, с.50].

По установленным в указанный период правилам виновный был обязан не только понести наказание, но и возместить причиненный ущерб. Как представляется, данное установление легло в основу формирования обязанности дееспособного обвиняемого по возмещению причиненного преступлением вреда.

Таким образом, возможно говорить о том, что кровная месть за убийство в указанный период времени не только ничем не ограничивалась, но и воспринималась в качестве способа защиты. Защита в данном случае включала не только физическую безопасность, но и обеспечение возможности возмещения причиненного ущерба, убытков, а также сохранение безопасной дистанции от преступника.

При этом важное значение для понимания правового положения преступника во времена княжества Олега и Игоря имеет тот факт, что вред, причиненный члену рода, являлся вредом, нанесенным всему роду. Данное положение и обуславливало существование кровной мести, так как преследование обидчика осуществлялось уже со стороны рода [7, с. 33].

Анализ существовавших при этом отношений, правовой статус обидчика включал в себя некое подобие современной процессуальной возможности прекращения судопроизводства и избегания наказания в связи с примирением сторон. Однако указанная возможность в

указанный период имела существенные отличия от современного аналога. Так, уладить дело миром могли старейшины родов или общин путем совместных переговоров. В данном случае необходимо говорить о возможности примирения, как проявления доброй воли обеих сторон, исключая формирование категории обвинения даже при наличии вины. В случае примирения уголовное судопроизводство прекращалось, и категория обвинения в данном случае минимизировалась. При этом, безусловно учитывался размер вреда, причиненного одному человеку или целому роду, общине. Исходя из этого, дифференцировалась категория обвинения, которое обязывало возместить вред, нанесенный в результате преступления.

Особенности современного понимания категории «виновности» в российском правовом пространстве

В контексте исторического развития понятия обвинения важно подчеркнуть специфику современной интерпретации данной категории.

Данной тематике посвящены работы исследователей как А.В. Андреев, В.Ю. Белицкий, Д.Д. Донской, З.Ш. Гатауллин, М.Ю. Колбеев, Д.Е. Оборин и пр. [1]. В современном законодательстве форма постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого регламентируется ст. 171 УПК РФ, однако сама категория обвиняемого неоднозначна и противоречива.

Как отмечают В.А. Евтушенко, И.С. Смирнова [6] для того, чтобы вынести постановление о виновности, необходимо предоставление четких доказательств, перечень которых однако отсутствует. Поэтому важно конкретизировать те случаи, когда категория обвинения не подлежит сомнению.

Подобные обстоятельства отражены в ст. 73 УПК РФ. В данном случае мы говорим об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Поэтому в уголовном процессе должны быть изучены:

- субъективная сторона преступления отражает вину, ее форму, мотивы и цели совершения преступлений;
- объективная сторона включает время, место, способ и иные значимые факторы совершения преступления;
- обстоятельства, которые исключают преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые предоставляют шанс освобождения от уголовной ответственности и наказания.

На современном этапе развития системы российского законодательства понятие обвинения максимально конкретизировано и по сравнению с предыдущей историей, отражает больше объективных характеристик обвинения.

Особое внимание необходимо уделять мотивированности доводов обвинения, которые образуют фактическую базу, которая служит основанием для формирования обвинения. Мотивированность отражает отношение личности субъекта преступления к содеянному и желание достичь социально опасного, но возможно, личностно значимого результата.

Подводя итоги нашей работы, необходимо отметить историческую трансформацию понятия обвиняемого. Значимость данной категории велика для того, чтобы определить возможность привлечения лица в качестве обвиняемого на этапе предварительного следствия и выдвинуть аргументированное обвинение.

В данном контексте необходимо конкретизировать категорию обвинения в научно-теоретическом плане. Данное понятие подразумевает компоненты:

– вины как личного отношения (психологического и деятельностного) к процессу и результату совершения преступления. Отношение должно быть сознательным, целенаправленным и ориентированным на достижение личных целей незаконными способами;

– обстоятельств совершения преступления, отражающих время, место и иные характеристики, которые имеют значение для совершения преступления и его результативности.

– результата противоправной деятельности, которая носит социально или личностно вредный, опасный характер и негативно сказывается на здоровье, жизни или благосостоянии конкретного человека – жертвы преступления.

Более конкретное описание юридического института обвинения необходимо проводить в контексте сравнения различных точек зрения и концептуальных подходов к понятию обвинения. В нашей работе был отражен исторический контекст анализа этого понятия, включающего комплекс объективных и субъективных параметров. При этом важно подчеркнуть, что обвинение включает в себя активную позицию как обвиняемого (как субъекта совершения преступления), так и обвинителя (субъекта, который предъявляет обвинение). Исходя из этого, значимо общественное отношение всех участников правоотношений к совершенному деянию.

Для того, чтобы категория обвинения была конкретизирована, необходимо анализировать все ее компоненты и определить обстоятельства, которые наиболее значимы для вынесения постановления об обвинении. Это и будет являться перспективой наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Биляев В. А., Чухраев Д. А. К вопросу о совершенствовании института привлечения лица в качестве обвиняемого // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. №1. С. 185-189.

2. Ветрова Г. Н. Учение М. С. Строговича о правовом положении обвиняемого в уголовном процессе (традиции в современном преломлении) // Евразийская адвокатура. 2019. №5 (42). С. 44-50.

3. Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2007. – С. 14.

4. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. №4 (68). С. 88-96.
5. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. – СПб: Питер, 2001. – С. 13.
6. Евтушенко В.А., Смирнова И.С. Институт привлечение в качестве обвиняемого некоторые аспекты совершенствования // Инновационная наука. 2024. №1-2. С.105-109.
7. Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. – Варшава, 1903. – С. 33-43. 6
8. Маслова И.С. Римское право: Учебное пособие. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – С. 3.
9. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1903. – С. 633.
10. Усеева Д.К. Актуальные проблемы института привлечения лица в качестве обвиняемого // Экономика и социум. 2022. №3-2 (94). С. 885-892

THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF THE ACCUSED IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

Filimonov R. N., Kharichkin A. N., Malofey A. O.

In this article, the analysis of the legal status of the accused is associated with the use of this term in the broadest sense of the word. The authors analyze the specifics of the study of the concept in the context of research activities, as well as in domestic legal practice. The work reflects a comprehensive study of the legal category "accused", as well as its main structural components.

This concept is considered in the context of criminal law and allows us to determine the influence of the norms of various branches of legal science on the transformation of its content.

The historical analysis of this category determines the specifics of its research, the identification of the most significant essential characteristics, the dynamics of changes in the legal status of the accused and the legal consequences that occur depending on this. The work reflects the substantive characteristics of the legal category of the "accused", as well as the importance of a detailed explanation of the legal norms governing this concept. In addition, it is important to understand the semantic meaning of the accusation in the context of determining guilt and possible punishment in relation to the subject of legal relations.

The main research goal of the work is to study the process of formation of the institution of the accused in domestic criminal proceedings. We have defined the institution of the accused as the object, the subject is the historical process of transformation of this institution.

Keywords: procedural status of the accused, criminal procedural interpretation, accused, minor accused, legal category, regulatory regulation, historical transformation.

УДК 34

ON THE APPLICATION OF CRIMES AGAINST HUMANITY TO INTERNATIONAL TERRORIST ACTS

Chang Chenmiao

Master's student, Institute of Russian Language and Culture
of Lomonosov Moscow State University

E-mail: ccm20000330@163.com

Crimes against humanity and international terrorist acts are serious challenges for the modern international community. These types of crimes violate basic principles of international law and human rights, causing extreme suffering and destruction on a scale that affects not only individual groups of people, but entire societies. In this regard, it becomes extremely important for the active cooperation of the international community to suppress and prevent such crimes, as well as punish their perpetrators. This paper will examine the application of crimes against humanity to international terrorist acts, as well as their impact on world politics and security. To do this, let's look at these concepts and their features. We will also study the position of international law regarding terrorism and consider the situation in Russia regarding the issue of countering terrorism.

The relevance of the work lies in the need to cover this topic for a wide range of people in order to explain the basic idea and prevent possible crimes due to ignorance or in the context of misconceptions.

The subject of the study is to describe the characteristics of crimes against humanity and terrorist acts.

The object of the study is specific cases of these crimes.

The novelty of the work lies in the comparative study of crimes against humanity and terrorist acts, focusing on their enormous danger, punishment and features of their prevention.

The practical significance of the work lies in the fact that the presented materials and developments can be used in the academic process when teaching schoolchildren and students.

The concepts of terrorism and crimes against humanity are an important aspect of modern international security. Terrorism is defined as the use of violence and threats of violence to achieve political, religious or ideological goals. Such actions damage not only security and state stability, but also violate human rights and freedoms.

Keywords: crimes, terrorist acts, counteraction to terrorism, prevention of violations, international law.

Crimes against humanity include a wide range of acts such as genocide, forced population transfers, murder, torture, rape and other forms of violence and discrimination that are systematically committed against civilian populations. These crimes are often committed by armed groups and regimes to suppress opposition and establish political power [1].

Terrorism and crimes against humanity pose a challenge not only to individual states, but also to the international community as a whole. Many international organizations and bodies, such as the United Nations, the European Court of Human Rights, the International Criminal Court and others, are involved in the fight against terrorism and crimes against humanity.

It is important to understand that the fight against terrorism and crimes against humanity requires a deep understanding and analysis of the roots of these phenomena, as well as the development of appropriate strategies to prevent and combat such crimes [2]. At the same time, it is necessary to pay special attention to the protection of human rights and freedoms, the establishment of law and order, cooperation between states and international organizations, as well as support for victims of terrorism and crimes against humanity.

Terrorism and crimes against humanity are serious threats to international security and human rights. Their suppression and prevention require joint efforts at the level of states and the international community.

In this vein, international law plays an important role in the fight against terrorist acts and represents a fundamental tool for suppressing and punishing such crimes. It defines the legal framework for the fight against terrorism and establishes international standards and mechanisms for cooperation between states in this area.

According to international law, terrorism is a crime against the peace and security of mankind. It is prohibited under major United Nations (UN) conventions and resolutions, such as UN Security Council Resolution 1373, which takes action to combat the financing of terrorism, and other international instruments.

The application of international law to terrorist acts involves several key aspects. Firstly, it is cooperation between states in preventing and investigating terrorist crimes. States are required to cooperate in the transfer of information, the extradition of suspects and evidence, and in the fight against the laundering of funds derived from terrorist activities [3].

Secondly, international law establishes the obligations of states to prevent terrorist acts on their territory and take effective measures to combat terrorism, including legislative and organizational measures.

Another important aspect is the application of the principles of international humanitarian law and human rights in the fight against terrorism. States have an obligation to combat terrorism while respecting the

principles of the rule of law, legal responsibility and the protection of human rights.

Finally, international law includes mechanisms for punishing terrorist crimes. This may include trials in national courts, the extradition and prosecution of suspects, and cooperation with the International Criminal Court [4].

Thus, international law is an important tool for combating terrorism. It establishes the legal framework for cooperation between states, obliges them to take measures to prevent terrorist acts, and establishes mechanisms for punishing terrorist crimes.

Despite the efforts of the international community to combat terrorism, there are a number of problems and obstacles in applying international law to terrorist acts. The application of the law to terrorist acts faces many challenges and obstacles, including the following:

1. Terrorist groups operate across borders: Terrorist groups and their members may operate across borders, making them difficult to arrest, bring to justice, and punish. They can also use the resources of different countries to finance and plan attacks, making it difficult to determine jurisdiction and cooperation between states.

2. Lack of a common definition of terrorism: There is no generally accepted and comprehensive definition of terrorism, which can hinder the exchange of information between countries and international cooperation in combating terrorist acts.

3. Violation of human rights: In some cases, governments use force in the fight against terrorism, violating human rights and international laws, which raises concerns among the international community [5].

4. Lack of universal jurisdiction: Some terrorist crimes may go unpunished due to the lack of universal jurisdiction. This means that some countries may not have the right to try or otherwise prosecute perpetrators of terrorist attacks in other countries.

5. Low effectiveness of international cooperation: Despite existing legal instruments and conventions, international cooperation in the fight against terrorism may face problems due to political, cultural and legal differences between countries.

6. Terrorist financing: Difficulties in tracking and blocking financial flows, as well as in stopping the laundering of funds derived from terrorist acts, create significant obstacles in the fight against terrorism.

These challenges and obstacles in applying the law to terrorist acts highlight the need to improve international cooperation, develop more effective legal mechanisms, and strengthen the legal framework for combating terrorism.

Let us consider the types of terrorism to increase the overall picture and the possibility of comparing the actions of international law.

1. Political terrorism: aimed at achieving political goals by forcing the government to make decisions or putting pressure on the population [6].

2. Religious terrorism: used to achieve religious goals, often using violence in connection with the interpretation of religious doctrines.

3. Extremist terrorism: carried out by radical groups or organizations

aimed at destabilizing the political system and creating chaos.

4. Environmental terrorism: carried out to draw attention to environmental problems, for example, sabotage of environmentally harmful enterprises.

5. Nationalist terrorism: aimed at supporting national interests and independence within existing states.

6. Cyberterrorism: carried out using computer technology, aimed at destroying information infrastructure and affecting electronic security systems.

7. Separatist terrorism: aimed at separating a region or group of people from the state.

8. Bioterrorism: the use of biological weapons, including bacteria, viruses or toxins, for terrorist purposes [7].

Now let's directly look at how international law applies to each type of terrorism.

1. International law regulates political terrorism through the conclusion of international agreements and conventions that oblige states to take measures to prevent terrorist acts, including the exchange of information and cooperation in the fight against terrorism.

2. Religious terrorism is also covered by international law, including rules on the protection of human rights and freedom of religion. International law recognizes the right to freedom of religion, but condemns the use of violence for religious purposes.

3. Extremist terrorism is suppressed by international conventions on combating terrorism, as well as conventions on preventing the financing of terrorist organizations and countering radicalization.

4. Environmental terrorism can also be regulated by international law in the field of environmental protection and the prevention of environmental disasters.

5. Nationalist terrorism falls under international law in the field of national security and human rights, and international law can be applied to prevent and resolve conflicts arising from this type of terrorism.

6. Cyberterrorism is regulated by international agreements on cybersecurity and the fight against cyber threats [8].

7. Separatist terrorism can be regulated by international agreements on the territorial integrity of states and the resolution of ethnic and national conflicts.

8. Bioterrorism falls under international law in the field of non-proliferation of weapons of mass destruction and biological weapons.

Crimes against humanity typically include massacres, torture, rape, deportations, forced labor, and other forms of human rights violations. International law is essential in preventing and combating these types of crimes, and in ensuring justice for their victims.

Types of crimes against humanity and international law:

1. Genocide:

Genocide, as defined by the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in 1948, includes the destruction, partial or complete, of national, ethnic, racial or religious groups as such.

International law, including the Rome Statute of the International Criminal Court, establishes responsibility for genocide and provides for the possibility of bringing to justice the perpetrators of these crimes.

2. Crimes during armed conflicts:

Crimes committed during armed conflicts, such as murder, torture, sexual violence and forced population transfers, are governed by international humanitarian law, including the Geneva Conventions and their additional protocols.

3. Torture and ill-treatment:

International law, including the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Forms of Treatment or Punishment, prohibits torture and punishment without due cause. It also requires states to hold accountable the perpetrators of these crimes [9].

The development of international law regarding terrorism and crimes against humanity remains at the forefront of the global fight against these threats. Below are the main directions of development of international law in this area:

1. Legal frameworks and conventions: The international community is actively developing and ratifying conventions and international agreements to combat terrorism and crimes against humanity. For example, the UN General Assembly has adopted several resolutions aimed at combating terrorism, and also created a Special Committee on Terrorism.

2. Strengthening International Cooperation: With terrorist groups often operating beyond the borders of their own countries, joint efforts to combat terrorism have become increasingly critical. International organizations such as the UN and Interpol are helping to establish mechanisms for information exchange, extradition of criminals and joint investigation of cases.

3. Monitoring the financing of terrorist organizations: The development of international standards and agreements to block financial flows that support terrorist activities helps to strengthen financial mechanisms to combat terrorism.

4. Strengthening human rights and international humanitarian law: International law continues to evolve to protect human rights and ensure just punishment for crimes against humanity. International tribunals such as the International Criminal Court prosecute such crimes and strengthen international humanitarian law.

5. Cybersecurity and cyberterrorism: The development of international law in the field of cybersecurity and cyberterrorism is becoming increasingly relevant as cyber threats become more common and sophisticated. International legal instruments to combat cyberterrorism are being actively developed and improved [10].

The development of international law regarding terrorism and crimes against humanity continues to be an important action in ensuring peace and security in the world. However, it is necessary to constantly update and develop legal mechanisms to meet the evolving threats and challenges at the modern global level.

Russia, as a member of the international community, also faces the

challenge of combating terrorism and crimes against humanity. The legislation of the Russian Federation contains norms aimed at suppressing, prosecuting and punishing terrorist crimes, including crimes against humanity.

An example of a terrorist attack in Russia is the Moscow metro attack in 2010, when two suicide bombers blew themselves up in the metro, killing more than 40 people and injuring hundreds. This horrific act of terrorism caused widespread public outcry and showed how important it is to take drastic measures to prevent and suppress such terrorist acts.

In light of such events, Russian legislation has been strengthened in relation to combating terrorist acts. In 2006, Federal Law amended the Criminal Code of the Russian Federation, introducing new articles aimed at combating terrorism and tightening penalties for crimes related to terrorism.

In addition, Russia actively cooperates with the international community in the fight against terrorism and crimes against humanity. The Russian Federation takes an active part in agreements and conventions of the United Nations and other international organizations aimed at combating terrorism, and provides assistance in the exchange of information and the extradition of terrorists.

However, despite positive changes in legislation and cooperation with the international community, Russia continues to face challenges in the fight against terrorism. The recent terrorist attacks in the St. Petersburg metro in 2017 and in the city of Volgograd in 2013 provide examples where terrorists have caused harm to civilians, and taking effective measures to prevent such attacks remains a major challenge for Russian authorities.

We note that Russia is actively working to apply international law to terrorist acts, strengthening its legislation and cooperating with the international community. Examples of terrorist attacks in Russia show that it is necessary to continue efforts in the fight against terrorism and crimes against humanity, and the development and application of a unified international legal framework in this matter plays an important role in ensuring the security and protection of the rights of citizens.

In Russia there is a comprehensive system of anti-terrorist measures, which includes legislative and organizational measures, operational-search activities, anti-terrorist equipment and technology, as well as military-political measures. A number of laws were adopted to combat terrorism, such as “On the fight against terrorism”, “On counter-terrorism activities” and others.

Russia's security forces, including the Federal Security Service (FSB), the Ministry of Internal Affairs (MVD) and others, are actively involved in counter-terrorism operations to prevent terrorist attacks, apprehend terrorists and dispose of them. In addition, Russia is actively working to train specialists, including in the field of psychological and operational training.

An important role is also given to involving the public in the fight against terrorism. State programs for the prevention of terrorism and radicalism are carried out at all levels of society, including school and student programs and mass media campaigns.

Russia actively cooperates with other countries and international

organizations in the field of countering terrorism, exchanging information and coordinating anti-terrorist measures. This allows us to strengthen security not only in Russia, but also on a global scale.

Thus, anti-terrorist actions in Russia are comprehensive and include legislative, operational and public measures to prevent and suppress terrorist threats. Russia actively participates in international efforts to combat terrorism and is a reliable partner in this important area of security.

In conclusion, it can be noted that crimes against humanity and international terrorist acts pose a serious threat to global stability and security. They violate basic principles of international law, human rights and cause extreme suffering among the population. The fight against such crimes should be a priority for the international community, and countries need to cooperate internationally to prevent and combat such crimes. Only joint efforts of all countries and international organizations can ensure effective counteraction to such threats. Russia is making considerable efforts to counter the creation and development of terrorism in all its manifestations.

REFERENCES

---

1. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. International law. Peaceful resolution of disputes. Textbook for bachelor's and master's degrees. M., Yurayt, 2019. 222 p.
2. Bekyashev K.A. International law. Textbook for bachelors. M., Prospekt, 2019. 896 p.
3. Lazutin L.A., Likhachev M.A. International humanitarian law. War, memory, justice (legal and historical aspects). M., Yurayt, 2020. 312 p.
4. Rusinova V.N. Human rights in armed conflicts: problems of correlation between the norms of international humanitarian law and international human rights law: monograph. M., Statute, 2015. 384 p.
5. Chernyavsky A.G., Sinyaeva N.A., Samodurov D.I. International law. Textbook. M., KnoRus, 2020. 536 p.
6. Korovin E.P. Criminal liability for facilitating terrorist activities: a textbook for universities. M., Ilexa, 2014, 116 p.
7. Metelev E.S. Modern terrorism and methods of anti-terrorism activities: monograph. M., Law and Law, 2008. 275 p.
8. Metelev E.S. Terrorism and anti-terrorism activities: educational and methodological manual. Omsk, RosZITLP, 2006. 259 p.
9. Fundamentals of countering terrorism: a textbook for universities. M., Academy, 2006. 240 p.
10. Problems of theory and practice of combating extremism and terrorism. M., Russian Criminological Association. Stavropol, North Caucasus Federal University, 2015. 349 p.

О ПРИМЕНЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТАМ

Чан Чэньмяо

Преступления против человечности и международные террористические акты являются серьезными вызовами для современного международного сообщества. Эти виды преступлений нарушают основные принципы международного права и прав человека, причиняя чрезвычайные страдания и разрушения в масштабах, которые затрагивают не только отдельные группы людей, но и целые общества. В этой связи становится чрезвычайно важным активное сотрудничество международного сообщества в пресечении и предотвращении подобных преступлений, а также наказании их исполнителей. В этой статье будет рассмотрено применение преступлений против человечности к международным террористическим актам, а также их влияние на мировую политику и безопасность. Автором рассматривается позиция международного права в отношении терроризма и ситуация в России в области противодействия терроризму.

Актуальность работы заключается в необходимости охватить эту тему для широкого круга людей, чтобы объяснить основную идею и предотвратить возможные преступления из-за незнания или в контексте неправильных представлений.

Предметом исследования является описание характеристик преступлений против человечности и террористических актов.

Объектом исследования являются конкретные случаи совершения этих преступлений.

Новизна работы заключается в сравнительном изучении преступлений против человечности и террористических актов с акцентом на их огромную опасность, наказание и особенности их предотвращения.

Практическая значимость работы заключается в том, что представленные материалы и разработки могут быть использованы в учебном процессе при обучении школьников и студентов.

Ключевые слова: преступления, террористические акты, противодействие терроризму, предотвращение нарушений, международное право

*****

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341 (9)

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ДИРЕКТИВЫ ЕС 2019/1023 ОТ 20 ИЮНЯ 2019 ГОДА СТРАНАМИ ЕС

Бойкова Анна Викторовна

Профессор, доктор экономических наук, доцент,
Тверской государственный технический университет, Тверь,
Россия

E-mail: alexmarior@mail.ru

SPIN-код 5379-8070

Последние два года ознаменовались ростом количества банкротств во всем мире. Это обусловлено следующими причинами: замедление темпов экономического роста Китая, ужесточение денежно-кредитной политики, прекращение моратория на банкротство по инициативе кредиторов и отмена государственных антикризисных мер поддержки на период действия ковидных ограничений. По оценкам одной из ведущих страховых компаний Atradius, в 2024 году наиболее резкий рост числа банкротств ожидается в Сингапуре (49%), Польше (43%), Италии (42%), Нидерландах (39%) и США (35%) [1]. В этой связи вопрос реформирования национального института конкурсного права приобрел особую актуальность. Статья посвящена актуальной в условиях преодоления негативных последствий пандемии коронавируса и потрясений на мировых финансовых рынках и теме повсеместной модернизации положений института несостоятельности (банкротства). Предметом анализа выступают положения национальных законодательств о банкротстве. Автор ставит целью раскрыть основные изменения, произошедшие в них в связи с социально-экономическими изменениями в мире.

Ключевые слова: должник, кредитор, требование, обязательство, несостоятельность, банкротство, суд, арбитражное управление, нормативно-правовые акты, правовая реформа.

Европейский Парламент и Совет Европейского союза 20 июня 2019 года утвердили Директиву (ЕС) 2019/1023, о механизмах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, а также о мерах по повышению эффективности процедур санации, несостоятельности и погашения задолженности.

Соответствующие нормативно-правовые акты государства-члены ЕС должны были разработать и принять до 17.07.2021 года (за исключением пп. а, b, с статьи 28 – до 17.07.2024 года, пп. d статьи 28 – до 17.07.2026 года) [2]. Однако, уже на начальном этапе обсуждения, выдвигалась гипотеза, что установленные для исполнения сроки являются нереальными.

В статье приведен сравнительный анализ сроков реализации Директивы ЕС 2019/1023 и на основе полученных данных сделан вывод о том, без учета национальных особенностей института конкурсного права затруднительно обеспечить гармонизацию процесса регулирования долговых отношений в странах ЕС.

Данная законодательная реформа направлена на то, чтобы:

- обеспечить для любой компании возможность провести реструктуризацию, особенно на досудебной стадии с целью избежать неплатёжеспособность;
- дать второй шанс несостоятельным компаниям;
- повысить эффективность и сократить продолжительность процедур реструктуризации и банкротства.

Также Директива (ЕС) 2019/1023 направлена на устранение различий между национальными режимами несостоятельности, на протяжении многих лет являющихся ключевым структурным барьером для осуществления трансграничных инвестиций.

Причина в том, что национальное законодательство не только регулирует производство по делу о несостоятельности (банкротстве), но также определяет порядок исполнения требований кредиторов за счет средств должника.

Несбалансированный национальный институт банкротства приводит к неопределенности по вопросам оценки результатов процедур несостоятельности, что влияет на готовность банков и других инвесторов осуществлять финансирование проектов за границами страны.

Таким образом, неотъемлемым условием формирования благоприятного инвестиционного климата в стране является разработка и принятие законодательства о банкротстве в равной мере отвечающего интересам, как должника, так и кредиторов [14].

По мнению экспертов, самой инновационной особенностью новой Директивы является введение упрощенной процедуры ликвидации для микропредприятий (на их долю приходится до 90% от общего количества инициированных процедур банкротства). К ним относятся хозяйствующие субъекты с численностью персонала не более 10 человек и годовым оборотом не более 2 млн евро [14].

В соответствии с Директивой (ЕС) 2019/1023 органы управления должника сохраняют свои полномочия и контроль над имуществом. При

подаче заявления в суд об открытии упрощенной процедуры ликвидации должник должен предоставить информацию о принадлежащих ему активах, требованиях кредиторов. На основании полученного заявления суд уведомляет кредиторов о введении процедуры и о об их законном праве предъявить свои требования [14].

Реализация имущества должника в рамках упрощенной процедуры производится посредством системы электронных торгов. В обязанности суда также входит составление окончательного списка имущества, составляющего конкурсную массу должника [14].

Тот факт, что для осуществления процедуры не назначается специальное лицо, позволяет сократить расходы на ее осуществление, что не ведет к «проеданию» конкурсной массы должника и повышает процент исполнения требований кредиторов [14].

Более того, должнику не может быть отказано во введении процедуры в том случае, если у него отсутствуют активы или их недостаточно для покрытия судебных расходов [14].

Директива (ЕС) 2019/1023 предусматривает обязанность руководителя юридического лица подавать ходатайство об открытии производства по делу о несостоятельности не позднее чем через три месяца после того, как ему стало известно (или мог узнать), что юридическое лицо неплатежеспособно. Невыполнение данного требования влечет за собой гражданскую ответственность руководителя за ущерб, причиненный в результате его бездействия [14].

Кроме того, Директива (ЕС) 2019/1023 устанавливает, что комитет кредиторов должен быть создан, если общее собрание кредиторов примет такое решение [14].

Особое внимание уделено повышению информированности общества о процедурах банкротства. Так, в частности, Директива (ЕС) 2019/1023 обязывает государства-члены выпускать и обновлять стандартный информационный бюллетень, содержащий информацию о ключевых особенностях их национального законодательства о банкротстве [14].

Важным инструментом пополнения конкурсной массы должника является расторжение сделок, совершенных до открытия дела о несостоятельности (банкротстве) в результате которых произошло отчуждение наиболее ликвидных активов должника, что привело к ухудшению обеспеченности требований кредиторов [14].

Несмотря на то, что действия по расторжению сделок уже являются стандартной практикой в рамках дела о банкротстве, национальные законодательства придерживаются разных подходов к признанию сделки недействительной. В частности, среди ключевых отличий можно выделить:

- виды сделок, которые могут быть расторгнуты;
- расчет продолжительности «подозрительного периода» в течение которого сделка может быть признана недействительной;
- правовые условия совершения сделок.

Директива (ЕС) 2019/1023 устанавливает минимальный набор требований, достаточных для оспаривания сделки:

- минимальный подозрительный период составляет от трех месяцев (в отношении требований кредиторов) до четырех лет (для случаев преднамеренного и фиктивного банкротства) до возбуждения производства по делу о несостоятельности;

- предпочтение определенных кредиторов органами управления должника;

- признаки нарушения принципов делового оборота в действиях органов управления должника [14].

Еще одним важным инструментом возврата имущества должника в конкурсную массу является поиск его активов. Он позволяет выявить незаконно присвоенные активы должника или доходы от их использования. С этой целью национальное законодательство позволяет специалистам по делам о несостоятельности получать доступ к информации о банковских счетах, информации о бенефициарной собственности и некоторым национальным реестрам активов. Директива (ЕС) 2019/1023 позволяет практикующему специалисту по делам о несостоятельности (банкротстве) осуществлять полномочия, предусмотренные законодательством государства-члена ЕС, в котором открыто основное производство по делу о несостоятельности, и в других государствах-членах ЕС [14].

Реорганизация, как один из способов урегулирования банкротства, является устоявшейся процедурой законодательства о несостоятельности, с которой, во многом, схожа предлагаемая Директивой (ЕС) 2019/1023 процедура реструктуризации. Существенное различие между этими институтами (кроме направленности на налаживание отношений должника с его кредиторами после того, как он уже признан банкротом или лишь подал соответствующее заявление) состоит в том, что целью реорганизации является, прежде всего, удовлетворение требований кредиторов и лишь во вторую очередь, спасение самого предприятия.

Напротив, превентивная реструктуризация направлена на то, чтобы спасти бизнес и предоставить ему возможность утвердить план реструктуризации с кредиторами. Она позволяет компании действовать оперативно и избежать банкротства и связанных с ним негативных последствий, таких как публичное раскрытие информации о проблемах предприятия. Таким образом, целью реструктуризации является удовлетворение требований кредиторов, а также поддержка предприятия и, следовательно, росту стабильности рынка.

Как показал анализ данных таблицы 1, из двадцати четырех стран-членов ЕС, лишь четыре смогли провести необходимое реформирование законодательств о банкротстве в установленные сроки. В ряде случаев этого удалось достичь благодаря тому, что модернизация, утверждённая Директивой (ЕС) 2019/1023, совпала по срокам с плановой модернизацией института банкротства, проводимой по инициативе самого государства.

Так, например, в Италии разработка новой редакции Кодекса о несостоятельности и банкротстве, который должен был заменить Кодекс о несостоятельности и банкротстве, принятый еще в 1942 году, началась

еще в январе 2019 года.

Однако, его подписание несколько раз откладывалось из-за пандемии. Новая редакция Кодекса о несостоятельности и банкротстве вступила в силу в Италии лишь 15 июля 2022 года [3].

Отдельные страны ограничились внесением поправок в действующий нормативно-правовой акт, регулирующий отношения в сфере несостоятельности (банкротства).

Так, например, во Франции соответствующее Постановление № 2021-1193 было принято 15 сентября 2021 года и вступило в силу 01 октября 2022 года [4].

Как можно заметить, ряд стран, в основном развивающиеся страны Восточной Европы, не смогли выполнить требования Директивы ЕС 2019/1023 от 20 июня 2019 и до сих пор не провели модернизацию национального института несостоятельности (банкротства).

Так, например, в Словакии была утверждена временная редакция, действующая с 17 июля 2022 год по 31 июля 2023 года.

Таблица 1 – Результаты исполнения Директивы ЕС 2019/1023 от 20 июня 2019 года странами ЕС [составлено автором]

Страна	Дата принятия
Страны ЕС, где модернизация была проведена в установленные Директивой (ЕС) 2019/1023 сроки	
Италия	12.01.19 (вступил в силу 15.07.22)
Греция	Вступил в силу 27.10.20
Германия	Вступил в силу 01.01.21
Австрия	Вступил в силу 17.07.21
Страны ЕС, где модернизация была проведена с нарушением установленных Директивой (ЕС) 2019/1023 сроков	
Франция	15.09.21 (вступил в силу 01.10.21)
Венгрия	03.06.21 (вступил в силу 01.07.22)
Дания	09.06.22 (вступил в силу 17.07.22)
Испания	05.09.22 (вступил в силу 25.09.21,)
Болгария	01.08.22 (вступил в силу 05.08.23)
Ирландия	01.08.22 (вступил в силу 05.08.23)
Люксембург	19.07.23 (вступил в силу 01.11.23)
Бельгия	07.06.23 (вступил в силу 01.09.23) [5]
Швеция	23.06.23 (вступил в силу 01.09.22) [6]
Ирландия	Вступил в силу 29.07.22
Мальта	Вступил в силу 23.12.22
Нидерланды	Вступил в силу 01.01.23
Финляндия	Вступил в силу 01.07.22
Чехия	22.09.23 (вступил в силу 23.09.23)
Португалия	Вступил в силу 11.04.22 [7]
Румыния	Вступил в силу 17.07.22 [8]
Страны, где требования Директивы (ЕС) 2019/1023 не выполнены	
Польша	Законопроект находится на стадии

	рассмотрения [9]
Словакия	Законопроект находится на стадии рассмотрения
Эстония	Законопроект находится на стадии рассмотрения
Словения	Законопроект находится на стадии рассмотрения [10]

Далее необходимо провести анализ проблем, с которыми вынуждены были столкнуться страны в процессе модернизации института несостоятельности (банкротства), утверждённой Директивой (ЕС) 2019/1023.

Например, в Польше из-за высокой нагрузки на судебный состав, рассматривающий дела о банкротстве, эффективность процедур банкротства и реструктуризации крайне низкая. Попытки упростить процесс судопроизводства предпринимались, начиная с 2019 года. Так, например, в процедурах банкротства граждан ставка сделана на специалистов по банкротству (арбитражных управляющих) при минимальном участии суда. Кроме того, проводятся работы по автоматизации судопроизводства. Однако, на данный момент эти улучшения не привели к планируемым результатам [4].

О задержках в отправлении правосудия в делах о банкротстве отмечают и теоретики и практики в Греции. Поэтому при разработке нового законопроекта о банкротстве, вступившем в силу в 2020 году ключевое внимание было уделено упрощению проведения процедур банкротства. В частности:

- предусмотрена возможность подачи должником заявления о внесудебном урегулировании задолженности в электронном виде;
- возможность проведения собрания кредиторов и организации голосования по вопросам введения процедуры реструктуризации в электронном виде;
- создание электронного реестра неплатёжеспособных предприятий;
- публикация судебных актов в электронном виде;
- проведение торгов и аукционов по продаже имущества должника в электронной форме на специализированных платформах [4].

Даже страны (например, Бельгия), которым удалось добиться значительного прогресса в повышении эффективности процедур реструктуризации, отмечают, что наиболее существенным препятствием на этом пути для них являлось затягивание процедур и противоречия между различными нормативно-правовыми-актами [4].

Ряд стран (Ирландия, Дания) ключевым фактором, сдерживающим введение процедур реструктуризации, является вопрос их финансирования. Так, например, в рамках реформы, обусловленной Директивой (ЕС) 2019/1023, в Дании было принято отказаться от назначения администратора и бухгалтера в процессе реструктуризации, что позволит сократить расходы на ее реализацию [4].

Кроме того, в большинстве стран реализация Директивы ЕС 2019/1023 потребовала введения новых процедур или корректировки существующих. Так, например, в соответствии с новым Законом о банкротстве Бельгии должнику больше не придется заключать мировое соглашение как минимум с двумя кредиторами: достаточно будет одного кредитора. Помимо голландского, французского или немецкого, мировое соглашение также может быть составлено на международном деловом языке, например английском [12].

Согласно поправкам в Закон о банкротстве Люксембурга, [11, 13] теперь в обязанности министра экономики (Ministère de l'économie) и министра по делам крупного и среднего бизнеса (Ministère ayant les classes moyennes dans ses attributions) входит выявление компаний, испытывающих финансовые затруднения, или которые с высокой вероятностью могут столкнуться с ними в будущем.

Также предусмотрено создание специального государственного органа по оценке предприятий, находящихся в затруднительном финансовом положении, который после изучения финансово-экономических показателей изучает направления и меры реструктуризации предприятия-должника [11, 13].

В его состав входит представитель службы социального обеспечения (Centre Commun de la Sécurité Sociale), налоговой службы (Administration des Contributions Directes), (Administration de l'Enregistrement, des Domaines et de la TVA), представитель министерств [11, 13]. Следует отметить, что в России аналогичную функцию ранее выполняла Федеральная служба России по финансовому оздоровлению и банкротству.

Для ряда стран модернизация стала, своего рода новой страницей в истории конкурсного права. Так, в Италии прежняя редакция Закона о банкротстве просуществовала 80 лет. Многие положения стали революционными для общества. Например:

- система раннего предупреждения кризиса;
- правила, касающиеся несостоятельности и реструктуризации групп компаний;
- замена названия "процедура банкротства" на "процедуру судебной ликвидации" [15].

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

- реакция на законотворческую инициативу в странах-участниках ЕС неоднозначна, что обусловлено особенностями и неравноценными возможностями каждой из них. Так, например, согласно данным проведенного Европейским банком реконструкции и развития опроса своих участников, по шкале от 0 до 100 баллов они оценили созданные внутри страны экономические, правовые, институциональные условия для реорганизации бизнеса, в среднем, в 64 балла. Причем, разброс оценок был от 79,81 баллов в Косово, до 38,22 баллов в Ливане;

- правовые реформы могут породить правовую

неопределенность, особенно если они проводятся слишком часто или в спешке;

– одной из основных проблем является отсутствие во многих национальных системах конкурсного права гибридных процедур реорганизации бизнеса, когда восстановление платежеспособности происходит при минимальном участии суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Insolvencies adjust back to pre-pandemic levels // <https://group.atradius.com/publications/economic-research/insolvencies-adjust-back-to-pre-pandemic-levels.html>
2. Директива (ЕС) 2019/1023 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. о рамках превентивной реструктуризации, погашении долга и дисквалификации, а также о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, неплатежеспособности и погашения долга, и вносящая поправки в Директиву (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности) // СПС Гарант. <https://base.garant.ru/74577818/>.
3. Italy's New (and Amended) Insolvency and Restructuring Code Enters into Force // <https://www.clearygottlieb.com/-/media/files/alert-memos-2022/20220919-italys-new-and-amended-insolvency-and-restructuring-code-enters-into-force.pdf>
4. The Legal 500 Country Comparative Guides // <https://www.legal500.com/guides/chapter/france-restructuring-insolvency/?export-pdf>
5. Belgium proceeds with insolvency reforms with EU Restructuring Directive implementation // <https://www.osborneclarke.com/insights/belgium-proceeds-insolvency-reforms-eu-restructuring-directive-implementation>
6. Zoller C. Corporate Restructuring Laws Under Stress: Policy-Making in Uncertain Times // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9942616>
7. INSOL Europe/LexisPSL joint project on the implementation analysis of the Directive (EU) 2019/1023 in the EU Member States // <https://www.insol-europe.org/technical-content/updated-insolvency-laws-portugal>
8. Romania increases duties for directors when insolvency is likely // <https://rlw.juridice.ro/20827/romania-increases-duties-for-directors-when-insolvency-is-likely.html>
9. Second Chance Directive – what is it and when will it be implemented? // <https://www.roedl.pl/en/good-to-know/good-to-know/bankruptcy-law-and-enterprise-restructuring/second-chance-directive-what-is-it-and-when-will-it-be-implemented>
10. Draft Amendment To The Insolvency Act In Limbo // <https://www.mondaq.com/insolvencybankruptcy/1214308/draft-amendment-to-the-insolvency-act-in-limbo>
11. Luxembourg Reform of Restructuring Procedures //

<https://www.whitecase.com/insight-alert/luxembourg-reform-restructuring-procedures>.

12. Future insolvency and business restructuring in Belgium: five things you need to know // <https://www.nautadutilh.com/en/insights/future-insolvency-and-business-restructuring-in-belgium-five-things-you-need-to-know/>

13. New Luxembourg Bankruptcy Law Enhances Luxembourg's Restructuring Framework // <https://www.dechert.com/knowledge/onpoint/2023/10/new-luxembourg-bankruptcy-law-enhances-luxembourg-s-restructurin>

14. Alegren-Benndorf K. Completing the Capital Markets Union: The Commission's Proposal for a Directive Harmonising Certain Aspects of Insolvency Law // <https://europeanlawblog.eu/2023/01/17/completing-the-capital-markets-union-the-commissions-proposal-for-a-directive-harmonising-certain-aspects-of-insolvency-law/>.

15. Официальный сайт компании Chambers and Partners // <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/insolvency-2023/italy>.

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF EU DIRECTIVE 2019/1023 OF 20 JUNE 2019 BY EU COUNTRIES

Boykova A.V.

The last two years have been marked by an increase in the number of bankruptcies worldwide. This is due to the following reasons: the slowdown in China's economic growth, tighter monetary policy, the end of the moratorium on creditor-initiated bankruptcy and the abolition of state anti-crisis support measures for the period of covid restrictions. According to the estimates of one of the leading insurance companies Atradius, in 2024 the sharpest increase in the number of bankruptcies is expected in Singapore (49%), Poland (43%), Italy (42%), the Netherlands (39%) and the United States (35%) [1]. In this regard, the issue of reforming the national institute of bankruptcy law has become particularly relevant. The article is devoted to the topic of modernization of provisions of the insolvency (bankruptcy) institute, which is topical in the conditions of overcoming the negative consequences of the coronavirus pandemic and turmoil in the world financial markets. The subject of analysis is the provisions of national legislation on bankruptcy. The author aims to reveal the main changes that occurred in them in connection with socio-economic changes in the world.

Keywords: debtor; creditor; claim; obligation; insolvency; bankruptcy; court, arbitration administration, regulations, legal reforms

*****

ИСТОРИЯ

УДК 93/94.39

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НОГАЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

Кузеева Зухра Залимхановна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН

г. Махачкала, Россия

E-mail: kuzeeva-zuhra@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0044-9230>

SPIN-код: 4024-8758

В статье рассматриваются вопросы национальной идентичности некоторых групп ногайцев, а также актуализировавшаяся на сегодняшний день тема межэтнических диалогов о фальсификации ногайского исторического наследия, ставшая серьезной дискуссионной проблемой среди определенного круга граждан. Автором предлагается метод изучения данных вопросов посредством обращения к исторической памяти народа. Каждая нация, этническая группа имеет свою историю, которая является не просто чередой разных событий, а грамотно изложенным в сознании людей национальным нарративом. И если народ желает вернуть утраченное/восстановить справедливость/сохранить наследие, ему важно четко понимать, что то историческое и культурное прошлое, которое хранится в его памяти, является не мифологизированной историей о так называемых славных предках, а максимально приближенной к объективности реальностью, чтобы суметь отстоять на него свое истинное историческое право.

Ключевые слова: ногайцы, историческая память, национальная идентичность, историческое наследие, политика памяти, психология выбора

В историческом сообществе тюркоязычного мира все чаще стали подниматься вопросы идентичности некоторых этнических групп астраханских (главным образом, юртовские татары) и крымских (крымские ногаи) татар¹. Кто же они? Часть татарского народа, как подтверждено в документальной статистике Всеобщей переписи населения РФ, или прямые потомки ногайцев с характерной для них историей, культурой и языковой традицией? В последние десятилетия большинство представителей данных групп активно стали идентифицировать себя ногайцами, что сказалось и на результатах переписи населения. Например, перепись 2010 г. насчитывала в Астраханской области 0,75% (7589 человек) ногайцев от общего числа жителей региона, тогда как по итогам Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г. эта отметка изменилась в сторону прироста и составила 1,1% населения (9320 человек) [1,2]. Отметим, что данный рост характеризовался не за счет переселения в область ногайцев из других регионов, хотя некоторое количество переселенцев все же среди них присутствует², а в большей степени внутренними изменениями, произошедшими благодаря развитию ногайского самосознания среди определенных групп граждан.

Как показывает статистика ВПН, если в 2010 г. данные процессы были отмечены в основном у карагашей и кундровцев [3, С. 119], то к 2021 г. большой рост развития ногайского самосознания можно наблюдать и у юртовцев.

В Крымском федеральном округе ситуация немного иная. Представители субэтнической группы крымских татар – крымские ногаи, или, как их принято называть, степные крымские татары, в государственных переписях населения указаны крымскими татарами. По итогам Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе» 2014 г. 0,01% жителей полуострова идентифицировали себя как ногайцы (241 человек) [4]. Этот же процент ногайцев в Крыму зарегистрирован и в статистическом учете ВПН 2021 г. (240 человек) [2]. В данном случае говорить о тенденции роста ногайского самосознания среди крымских ногаев и его влиянии на результаты переписи сложно, т.к. такое количество ногайцев в Крыму может быть следствием их переселения из других регионов. Хотя в последние годы в социальных сетях можно наблюдать, что некоторые представители крымских татар, в том числе и медийные личности, все чаще идентифицируют себя ногайцами.

Крымские ногаи исторически составляют значительную часть крымскотатарского народа, между тем в статистическом учете ВПН 2021 г. этноним «крымские ногаи» не встречается. По мнению А.А. Булатова «участие “ногаев” в этногенезе крымскотатарского народа пытаются всячески замалчивать как нечто неприемлемое, а широкое обсуждение этого вопроса расценивается как попытка внести раскол в

¹ Астраханские татары состоят из пяти субэтнических групп: алабугатские, болгаринские, кундровские, юртовские татары и карагаши. Консолидирующими этносами крымских татар являются: крымские ногаи, таты и яллыбои (южнобережцы).

² До 1000 человек, в основном из Дагестана и Чечни по результатам исследования 2014 г. [3, С. 122].

единство нации. Общеизвестное название “крымские ногаи”, стараются подменять эвфемизмами: “степные крымские татары”, “степняки” и даже “кипчаки” [5, С.58]. По словам Т.Б. Усеинова: «На рубеже XIX-XX вв. степные крымские татары ещё используют два эндоэтнонима: “ногъайлар” (“ногайцы”) и “татарлар” (“татары”). Экзоэтноним “кырым татарлары” (“крымские татары”) переходит в ранг самоназвания народа позже – уже в период депортации (после 1944 года), когда люди на чужбине умышленно, искусственно начинают применять географическое уточнение в эндоэтнониме для обособления от многочисленного, разнообразного татарского этноса, проживающего по всей территории России, таким образом, подчеркивая собственные права на возвращение из мест высылки в пределы Крымского полуострова» [6].

По результатам последней переписи населения в самоназваниях крымских татар³ отмечены следующие этно-территориально-лингвистические характеристики: крымтатар, крымцы, кырымлы⁴, тат с языком крымскотатарским, татары с языком крымскотатарским [2]. Как отмечают некоторые исследователи, «крымцы» и «кырымлы» относительно новые названия. Как пишет Н.В. Бекиров: «Кырымлы – это не забытое имя. Кырымлы – это слово, которым никогда не называл себя ни наш народ, ни его предки до слияния в крымско-татарскую нацию» [7, С.12]. Не исключено, что самоназвание «крымцы» («кырымлы»), служащее скорее обозначением принадлежности к крымскому государству, возникшему на территории Крымского улуса в результате распада Золотой Орды и просуществовавшему с 1441 по 1783 годы, нежели историческим именем, служит «маркером» единения нации.

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что для большинства крымских татар важно стать отдельным и отличным от татар самобытным единым народом, и не разобщенным на малые субэтнические группы.

Что касается астраханских татар, то среди некоторых из вышеперечисленных их групп начали создаваться объединения, такие как «Центр ногайской культуры “Эдиге”», «Национально-культурная автономия “Ногай юрт”», «Юртовский национальный проект» в Астраханской области и др., выступающие за рост ногайского самосознания. В 2020 г., перед очередной Всероссийской переписью населения, ногайские активисты Астраханской области стали проводить просветительские мероприятия, которые, по их мнению, должны были способствовать росту ногайского самосознания у тех, кто этнически относятся к ногайцам, но до сих пор именуют себя татарами. По их словам, «» [8].

Проблема идентичности данных этнических групп имеет достаточно серьезные основания, которые сегодня приобретают все большую актуальность в вопросах межнациональных отношений в среде отдельных тюркоязычных народов – это определение коренного статуса народа, его права на исконные земли и историческое наследие. В

³ «Крымские татары» и «татары» учитывались по переписи отдельно.

⁴ Кырымлы, кырымлы (крымскотат.) - то же что и крымцы.

последние годы, как в кулуарах научных встреч, так и на квазинаучных публических интернет-пространствах в диалогах ногайцев с представителями других наций (в основном, татары, казахи) стали подниматься вопросы, касающиеся фальсификации истории, искажения исторических фактов и этнической принадлежности некоторых памятников устного народного творчества к культурному достоянию ногайцев. Отдельные оппозиционно настроенные личности, несогласные с действиями нынешних ногайских активистов, которые направлены на восстановление национальной идентичности, считают эти действия «подрывной деятельностью» [9] против братских народов.

В статье В.М. Викторина, посвященной ногайцам Нижнего Поволжья, достаточно полно представлены критические мнения ученых, аспирантов, активистов и свободных критиков, касающиеся происхождения «ногайцев Астраханского региона» (термин введен В.М. Викториним – Авт.) [10, С.399-406].

Приведем лишь небольшой пример из ссылок его статьи, чтобы иметь примерное представление о сложившейся ситуации. Это два отрывка из выступлений исследователя-татароведа Д.М. Исхакова. В одном из них Д.М. Исхаков высказывает мысль, что карагаши – это астраханские татары, которых казахи, жившие с ними по соседству, называли ногайцами. По словам исследователя, ежедневное применение казахами этнонима «ногайцы» по отношению к карагачам стало причиной того, что по истечении некоторого времени астраханские татары начали считать себя карагаш-ногаями [11]. В другом своем выступлении Д.М. Исхаков говорит уже о юртовцах. Как отмечает профессор, юртовские татары – это единственная этническая группа, которая осталась на территории области от татар Астраханского ханства и к ногайцам они не имеют никакого отношения. Д.М. Исхаков подчеркивает лишь один нюанс в истории юртовских татар, который мог быть неверно растолкован теми, кто по именам ногайских мурз «пытаются из юртовских татар сделать ногайцев» [12]: когда «московские цари в интересах государства стали привлекать часть ногайцев на свою сторону и их стали сажать (на престолы – Авт.) в Астрахани и окрестностях ..., оставшихся бедных юртовцев (юртовских татар) они отдали как крестьян ногайским мурзам» [12].

Но отметим, что с точки зрения определенного круга исследователей, карагаши представляют собой субэтнос из Малой Ногайской (или Казиевой) Орды, которая располагалась в XVI–XVIII вв. в Прикубанье и являлась вассальной по отношению к Крымскому ханству [13, С.30]. Юртовские татары – выходцы из Большой Ногайской Орды, осевшие вокруг Астрахани со второй половины XVI – начала XVII вв. [13, С.28].

По мнению ученых, помимо указанных групп, к ногайским группам также следует относить алабугатских татар (утар) и кундровцев. Алабугатские татары – ногайская субэтническая группа Астраханской области, возникшая в конце XVIII в. в результате административного объединения кочевых юртовских ногайцев, части окалмыченских казахов-томутов, туркмен, татар с. Зензели.

Впоследствии к ним были присоединены 25 семей кочевых «татар Бухарского двора» [13, С.30]. Кундровцы, кундровские татары – переходная группа от юртовцев к карагашам, сложившаяся в результате их контактирования в период совместного кочевания в XIX – начале XX вв.» [13, С.31].

Вопросы о принадлежности к ногайцам некоторых групп астраханских и крымских татар стали объектом внимания и дискуссий не только у ногайцев вышеназванных регионов. Как известно, ногайский народ разобщен и разбросан по миру и не имеет единой автономной административной территории. Тем самым, наиболее критической стороной всей сложившейся ситуации является то, что и без того небольшой народ ассимилируясь с другими народами и гомогенизируясь в системе межкультурных коммуникаций может постепенно утратить свою культурную идентичность, потерять способность выражать себя как самобытную яркую единицу, просто перестать быть.

Тема происхождения рассматриваемых групп – лишь одна сторона существующей проблемы разлада между родственными народами. Следующий не менее серьезный предмет межнациональных разногласий – споры о том, кому этнически принадлежит памятник устного народного творчества «Сорок крымских богатырей».⁵ Данный памятник представляет собой цикл дастанов (сказаний), в повествовании которых лежат сюжеты об исторических личностях, в частности, о Эдиге – родоначальнике ногайской аристократии, темнике Золотой Орды в конце XIV – начале XV вв. В произведении данному герою посвящен отдельный эпос с одноименным названием.

Известно что в этногенезе ногайцев кипчакский пласт сыграл значительную роль. Об этом пишет проф. В.В. Трепавлов: «по происхождению ногайцы – это восточные кипчаки, а их государственное образование, Ногайская Орда в XV–XVII вв., по своему территориальному положению, административному устройству, внешней политике, этническому составу населения, его языку и культуре выступала непосредственной преемницей прежних кочевых империй Евразии. В историческом плане она унаследовала кочевую цивилизацию Золотой Орды» [14, С.273].

Бесспорно, факт участия кипчаков в становлении ногайского народа сам по себе не является безусловной доказательной основой того, что эпос исключительно ногайский. Как отмечал академик В.М. Жирмунский, эпос «Эдиге», имеет «широкое распространение среди казахов, каракалпаков, узбеков, крымских татар и тюркских народов Сибири» [15, С.49].

В настоящем исследовании мы не задаемся целью раскрыть историографию вопроса или пытаться доказать этническую принадлежность эпических произведений. В исторической науке и фольклористике имеется достаточное количество исследований, посвященных данному эпосу и дастанам. Многие серьезные исследователи признают факт рождения эпоса и цикла сказаний в

⁵ Одно из названий – «Сорок ногайских богатырей».

Ногайской Орде, когда ногайцы уже были сложены как единый народ [15, С.14; 16; 17, С.290; 18, С.57, 64; 19, С.6; 20, С.187]. По мнению А. И.-М. Сикалиева, «ко времени создания эпических произведений различные племена, в том числе нокусы и кара-кипчаки, участвовавшие в этногенезе ногайцев, уже утратили свою племенную замкнутость и самостоятельность и сформировались в единый ногайский этнос, который судя по всем материалам, давно достиг своей этнической консолидации и государственности» [19, С.91], т.к. всюду «где герой хочет сказать о своей этнической принадлежности, он представляется ногайцем, сыном и богатырем ногайского народа, и не упоминает о своем роде или племени» [19, С.91].

Относительно распространения эпоса среди тюркских народов можно привести мнение исследователя Ф. Урманче: «Поскольку ногайцы, жившие на огромной территории от Среднего и Нижнего Поволжья до Иртыша, от южных границ Казанского ханства до Аральского моря, оказали известное влияние на формирование многих тюркских народов: киргизов, казахов, каракалпаков, башкир, татар – как поволжских, так и сибирских, одновременно и устно-поэтическое, особенно эпическое творчество этих народов испытало определенное влияние ногайской культуры, языка и фольклора. Возможно, поэтому среди предков ряда эпических героев... тюркоязычных народов неоднократно встречается имя Ногай-Ногой-Нугай» [20, С.187]. По словам другого исследователя П.А. Фалева: «...сами ногайцы принесли свои героические песни и сказания в киргизские степи..., разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая. Их значение было столь велико, что киргизы до сих пор называют ногайцами приходящих из степи с Запада (т.е. откуда приходили настоящие ногайцы) поволжских татар...» [15, С.14].

К сожалению, с каждым годом абсурдность политического и социально-психологического использования прошлого, изменения событийного ряда того или иного исторического или культурного явления нарастает. На фоне подобных межэтнических разногласий, которые могут в определенной точке развития перейти в состояние непримиримых конфликтов, возникает иная сложность – кризис развития общества в целом. И сегодня это проблема не только в среде тюркоязычных народов.

Несмотря на то, что этногенез и ранняя история ногайцев до сих пор остаются во многом неизученными из-за недостатка источников [14, С.273], даже те материалы, которыми мы располагаем на сегодняшний день, могли бы позволить избежать серьезные политические распри и явное искажения фактов в сторону чьей-либо выгоды, или хотя бы ослабить степень распространения в обществе ресурсов, дегуманизирующих родственные народы. Но как оказалось не все так просто. Начавшаяся после распада СССР переоценка исторического прошлого народов бывшего Союза привела к развитию межэтнических конфликтов – к осмыслению и пониманию истории не через целостное восприятие единой истории единого государства, как это происходило ранее, а через интерпретацию ее путем собственных событийных

переживаний. Иначе говоря, во главу угла выходит свой народ, свои трагедии, свои ценности и свои интересы. Отсюда и развернувшаяся в последние десятилетия борьба некоторых народов за право «переписать» историю по-своему.

Зачастую во всех подобных разбирательствах возникает конфронтация между политикой памяти одного народа и исторической памятью другого, нередко также действующей в рамках политики. Ведь что такое историческая память с позиции людей, создающих, например, национальные объединения, – это системообразующий элемент для укрепления национальной идентичности⁶ внутри народа и в определенной степени тоже является политическим инструментом, позволяющий актуализировать требования к властям.

В руках этих двух противоборствующих сторон исторические факты предстают либо доказательным документом, либо отягощающей/непримиримой/пустой истиной, которую по праву необходимо было бы принять, но ее в угоду интересов иной раз пытаются исказить. По мнению исследователя В.А. Шнирельмана, манипулирование историческими фактами «вовсе не означает, что политические требования всегда опираются на отретушированные представления о прошлом» [22, С.14]. Так, например, «стремление колоний к политической независимости, апеллирующее к исторически достоверным свидетельствам колонизации и колониального гнета, вполне справедливо и не требует искажения исторической истины. Столь же правомочны требования насильственно депортированных народов по возвращению на родину и восстановлению своего полноправного статуса, что также опирается на бесспорные документы» [22, С.14]. Но, как дополняет автор, «во многих других случаях столь же бесспорные и однозначные свидетельства отсутствуют, и тогда политические деятели могут побудить историков к выработке научнообразных аргументов, которые обслуживали бы потребности текущей политики» [22, С.14]. По словам другого исследователя В.А. Ачкасова, «пережитая и передаваемая из поколения в поколение история служила и служит сегодня, всего лишь, «сырьем» для конструирования «подлинной» истории нации, формирования «образа древности» столь важного для любого национального самосознания» [23, С. 20].

Однако между политикой памяти и исторической памятью есть существенная разница – политика памяти почти всегда действует в рамках интересов государства, тогда как историческая память, будучи частью народного сознания, в своей ментальной основе отвечает за ценности и потребности народа. Каждая нация, этническая группа имеет свою историю, которая является не просто чередой разных событий, а грамотно изложенным в сознании людей национальным нарративом. И если народ желает вернуть утраченное/восстановить справедливость/сохранить наследие и т.д., ему важно четко понимать, что то историческое и культурное прошлое, которое хранится в его

---

⁶ Мнения некоторых исследователей сводятся к тому, что история является представлением о прошлом, которое тесно связано с выработкой идентичности в настоящий момент [21].

памяти, является не мифологизированной историей о так называемых славных предках, а максимально приближенной⁷ к объективности реальностью, чтобы суметь отстоять на него свое истинное историческое право⁸.

Между тем, историческая память⁹ в отличие от фактологического материала гораздо более «живой» источник информации, характеризующийся психоэмоциональным вовлечением в события прошлого целого ряда поколений, тогда как документальные (письменные, визуальные и т.д.) источники зачастую исследуются специалистами и не всегда доходят в подлинной их оценке до широкой общественности. И тут проблема даже не в подлоге документов, а в широком кругозоре, эрудированности людей. К тому же «сухие» исторические факты¹⁰, если они не отложены в когнитивном¹¹ сознании человека, т.е. не имеют внутренней связи с его ментальным опытом, вряд ли могут выстроить в его восприятии четкую концепцию прошлого. Как отмечал основоположник исследований исторической и коллективной памяти М. Хальбвакс, коллективная историческая память – «непрерывный ход мыслей, и в его непрерывности нет ничего искусственного, поскольку из прошлого такая память сохраняет лишь то, что еще живет и способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает» [26, С.23].

Исследование исторической памяти народа в неразрывном соотношении с историей объективной, научной, является одним из важных направлений в изучении вопросов о национальной идентичности.

Можем ли мы сегодня сказать, что ногайцы в нынешних условиях действуют объективно и, что та историческая память, которая отпечатана в когнитивном сознании каждого, кто сегодня считает себя ногайцем, не является искаженным представлением о своем прошлом, а выступает в качестве еще одного доказательного инструмента? Для ответа на эти вопросы обратимся к одному из направлений экзистенциальной психологии – к теме свободы, ответственности и выбора. А именно, рассмотрим проблему национальной идентичности в тесном переплетении с темой психологии выбора. Известно, что выбор человека зависит от разных факторов – внутренних (например, в контексте нашей проблемы, – желание вернуться к корням/восстановить справедливость/извлечь выгоду и т.д.) и внешних

---

⁷ Как отмечает М.В. Соколова «устная традиция передачи информации о прошлом мифологична; она характеризуется тем, что память сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим» [24, С.6]. Тем самым, историческая память со временем имеет способность выстраивать историю в более насыщенном информационном ключе.

⁸ В данном контексте мы не беремся судить о каком-либо конкретном народе, потому что историческая память – это явление общечеловеческое, всеобъемлющее, глубинное, с той лишь разницей, что для каждого народа, каждой нации она своя.

⁹ Иногда историческая память рассматривается как измерение коллективной (или социальной) памяти.

¹⁰ Процессы, события, которые в них описываются.

¹¹ По Е.С. Кубряковой термин «когнитивный», в отличие от ранее использовавшегося в психологии значения «познавательный», с созданием когнитивной психологии все чаще начинает использоваться как синоним терминам и «ментальный», и «внутренний», «интериоризированный», и «умственный», «мыслительный» [25, С.7].

(влияние общества/авторитет конкретной личности и т.д.). Сделанный выбор характеризует отношение человека к себе и к жизни в целом.

Связывая тему психологии выбора с темой национальной идентичности ногайцев, можем привести в пример следующее.

Несколько лет назад астраханским историком Р.В. Ишмуханбетовым было проведено социологическое исследование, в котором группе респондентов из юртовских татар был задан вопрос о том, к какой нации они себя причисляют, и какова главная причина их выбора. Как отмечает автор, «проногайски» настроенная часть современных юртовцев свое стремление вернуть и реанимировать исконную идентичность, т.е. быть ногайцами, объясняют желанием «вернуться к корням», «сохранить свой язык», не иметь «...суррогат вместо культуры своей» [27, С.379]. Другая часть юртовцев, отождествляющая себя с татарами, была настроена менее патриотично. Так, например, на вопрос «почему вы не считаете себя ногайцами?» многие из респондентов ответили: «мы все татары, это Россия хочет нас разделить», «татар все знают, нугаев никто не знает», «татаром быть престижно», «нам ближе татарская культура» [27, С.379]. Как видно из ответов, те, кто желает вернуться к корням (здесь и далее курсив наш – Авт.) преследуют достаточно глубокие идеологические цели, нежели те, кому сегодня важно быть тем, кого все знают.

Каждый из представителей астраханских и крымских этнических групп, кто сегодня называет себя ногайцем, понимает, что делает выбор не в пользу престижа, государственности, власти, политики, а ради возможности быть собой. Пожалуй, это самое важное, что нужно знать о тех, чьи действия сегодня расценивают как «подрывную деятельность» против братских народов.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения-2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Росстат: website. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).

2. Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Росстат: website. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).

3. Идрисов Э. Ш. Ногайцы в современной урбанистике города Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. №2 (39).

4. Федеральная служба государственной статистики. Перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 года // Росстат: website. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).

5. Булатов А. А. Крымские татары – крымские степные татары – ногаи. История, этнология и современные социокультурные дискурсы // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. – Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ. – 2019. – 444 с.
6. Усеинов Т.Б. Этнокультурные стереотипы степных крымских татар и татар Добруджи на основе пословиц рубежа XIX-XX вв. // Филология: научные исследования. – 2020. № 1. С.39-47. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.1.31971. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31971 (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).
7. Бекиров Н. В. К вопросу о названии и самоназвании крымских татар // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2015. № 3. С.5-19.
8. Алпаут Р. Астраханские ногайцы или татары. Кто есть кто. 23 март 2021 г. // Idelreal: website. URL: <https://www.idelreal.org/a/30466634.html> (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).
9. Вахитов И. Казахский активист: «Казахи, татары, башкиры – все мы наследники Золотой Орды». 18 октября 2021 г. // Миллиард татар:website. URL: <https://milliard.tatar/news/kazaxskii-aktivist-kazaxi-nogai-tatary-baskiry-vse-my-pryamye-nasledniki-zolotoi-ordy-1029> (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).
10. Викторин В. М. О ногайцах Нижнего Поволжья – в их новых реалиях и сложных дискуссиях (на пути к Переписи населения в 2021 г.) // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск XII: сборник статей. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2020. – С.399-406.
11. Викторин В. М. Видео от Виктора Викторина. 27 декабря 2019 г. // ВКонтакте: социальная сеть. URL: www.vk.com/video?z=video183711203_456239035%2Fpl_cat_updates (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).
12. Исхаков Д. М. Татары – имперская нация. Интервью. 4 март 2020 г. // Татары мира: web service. URL: www.youtube.com/watch?v=tj3GKky_w10 (дата обращения: 28 ноября 2023 г.).
13. Сызранов А. В. Этнос и этнические группы Астраханской области: справочное пособие. Астрахань: ОМЦ НК, 2008. – 72 с.
14. Трепавлов В. В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311.
15. Фалев, П. А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий : Лекции, читанные П. А. Фалевым в 1921 г. в Туркест. восточ. ин-те. Ташкент: Туркестанск. гос. изд-во, 1922. – 40 с.
16. Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. – М.: Издательство АН СССР, 1958. – С.24-65
17. Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. 1 т.; 25 см. Ч. 1. Алма-Ата : Казучпедгиз, 1959. – 452 с.
18. Сагитов И. Т. Каракалпак халкынын кахарманлык эпосы:

сравнительное изучение каракалпакского эпоса с эпосом тюркоязычных народов. Нукус, 1963. – 352 с.

19. Сикалиев А. И-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: КЧИГИ, 1994. – 328 с.

20. Урманче Ф. И. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн 1999. – 200 с.

21. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

22. Шнирельман В. А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : ИКЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.

23. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. №10.

24. Соколова М.В. Теория и методология истории. Историческая память: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. – 113 с.

25. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001, В. 1.

26. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. №2-3.

27. Ишмухамбетов Р. В. К вопросу о «плавающей» идентичности у астраханских ногайцев // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск XII: сборник статей. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2020. – С.374-382.

HISTORICAL MEMORY OF THE NOGAIS IN THE CONTEXT OF MODERN INTERETHNIC DISCUSSIONS

Kuzeeva Z.Z.

The article discusses the issues of national identity of some groups of Nogais, as well as the current topic of interethnic dialogues about the falsification of the Nogai historical heritage, which has become a serious debatable problem among a certain circle of citizens. The author proposes a method for studying these issues by referring to the historical memory of the people. Each people and ethnic group has its own history, which is not just a series of different events, but a national history correctly presented in the minds of people. And if the people want to return what was lost/restore justice/preserve the heritage, it is important for them to clearly understand that the historical and cultural past stored in their memory is not a mythologized story about the so-called glorious ancestors, but a reality as close as possible to objectivity in order to have the opportunity to defend their true historical right to it.

Keywords: Nogais, historical memory, national identity, historical heritage, politics of memory, psychology of choice

*****

Учредитель журнала: Тихонова Жанна Сергеевна, Ростовская область,
Аксайский район, пос. Водопадный, ул. Виноградная д. 10,
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в
СМИ: серия ПИ № ФС77-85701 от 21 июля 2023г.
Издатель: Индивидуальный предприниматель
Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН: 615108078357
Адрес издательства: РОССИЯ, обл. РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
Печатается в типографии: Издательство профессиональной прессы и
литературы «Профпресслит», ИП Нефедов Д.В., г. Ростов-на-Дону
E-mail: Nauka-pravo77@yandex.ru
Подписано в печать 25.12.2023г. Выход в свет 30.12. 2023г., 4,55 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ № 161-33/12. Цена свободная